

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство ПИ № ФС 77-61039 от 5 марта 2015 г.)

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия серии:

Д-р юр. наук, профессор О.Ю. Ильина (*главный редактор*)
д-р юр. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова,
д-р юр. наук, доц. Н.А. Антонова,
д-р юр. наук, проф. М.В. Баранова,
д-р юр. наук, проф. А.Г. Безверхов,
д-р юр. наук, проф., Ю.Ф. Беспалов,
д-р юр. наук, проф. А.А. Воротников,
д-р юр. наук, проф. И.Г. Дудко,
д-р юр. наук, проф. А.И. Коробеев,
д-р юр. наук, проф. В.И. Крусс,
д-р юр. наук, проф. А.Н. Кузбагаров,
д-р юр. наук, доцент А.Н. Левушкин,
д-р юр. наук, проф. Т.Н. Михеева,
д-р юр. наук, проф. Ю.А. Попова,
д-р юр. наук, проф. Б.В. Яценко.

Адрес редакции:

Россия, 170021, Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22. ауд. 222
Тел.: (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный университет, 2020

VESTNIK TVGU

Seriya: PRAVO

No 4 (64), 2020

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
(PI № ФC 77-61039 from March 5, 2015)

Translated Title

HERALD OF TVER STATE UNIVERSITY. SERIES: Pravo

Founder

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «TVER STATE UNIVERSITY»

Editorial Board of the Series:

Dr. of Sciences, Prof. O.U. Ilina (editor-in-chief)

Dr. of Sciences, Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova

Dr. of Sciences N.A. Antonova,

Dr. of Sciences M.V. Baranova,

Dr. of Sciences A.G. Bezverkhov,

Dr. of Sciences Y.F. Bespalov,

Dr. of Sciences A.A. Vorotnikov,

Dr. of Sciences I.G. Dudko,

Dr. of Sciences A.I. Korobeev,

Dr. of Sciences, Prof. V.I. Kruss,

Dr. of Sciences A.N. Kuzbagarov,

Dr. of Sciences A. N. Levushkin,

Dr. of Sciences T.N. Mikheeva,

Dr. of Sciences Yu.A. Popova,

Dr. of Sciences B.V. Yatselenko.

Editorial Office:

Russia, 170021, Tver, st. 2nd Griboyedov, d. 22 aud. 222

Phone: (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Беспалов Ю.Ф.

Имущественный интерес в алиментных обязательствах: о пределах действия статьи 86 Семейного кодекса Российской Федерации.....7

Зайцева Н.В.

Порок целевой составляющей сделки как общеправовое основание ее недействительности.....14

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Особенности правового регулирования контрольной деятельности государства на современном этапе.....23

Вобликов А.Б.

Направления совершенствования таможенного контроля.....30

Крусс И.А.

К вопросу об институтах международного гражданского процесса.....37

Хотькина О.К.

Диагностика и профилактика коррупционного поведения сотрудника уголовно-исполнительной системы.....41

Юстус О.И.

К вопросу о сущности публично-властных злоупотреблений правом в сфере налогообложения.....47

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Алешукина С.А.

К вопросу о разрешении трудовых споров третейскими судами.....54

Беженцев А.А.

Административное правонарушение: гносеология виновности и наказуемости.....59

Кириллов Д. А., Сеченова Е.Г.

Внутренняя противоречивость концепта «tolerance» в документах Организации Объединенных Наций: конституционно-правовой анализ67

Сирик Н. В., Кусков А. С.

Типичные ошибки в договорной работе туристских организаций с потребителями.....75

Туманова Л.В.

Роль квалификационных коллегий судей в обеспечении авторитета судебной власти.....84

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н.

Некоторые аспекты развития историографии Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича на современном этапе.....93

Обзор и анонсы научных мероприятий

Жукова О.В., Огаркова Н.О.

Перспективы развития административного судопроизводства в России (на основе материалов межрегиональной научно-практической конференции).....100

Трибуна молодого ученого

Андреанов В.М.

Отдельные вопросы предоставления правовой помощи при защите общественного интереса.....110

Телегин Р.Е.

Легализация понятия «член семьи»: межотраслевой подход.....116

Хохлов С.В.

Роль органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в вопросах управления многоквартирными домами.....124

CONTENT

Topical issues of private law

Bespalov Yu.

Property interest in maintenance obligations: on the scope of article 86 family code of the Russian Federation.....7

Zaytseva N.

Defect of the transaction's target as a general legal base of invalidity.....14

Topical issues of public law

Antonova N.

Features of legal regulation of state control activities at the present stage.....23

Voblikov A.

Directions for improving customs control.....30

Kruss I.

On the issue of institutions of international civil procedure.....37

Khotkina O.

Diagnostics and prevention of corruption behavior of employees of the penal correction system.....41

Yustus O.

On the essence of public-power abuses of law in the field of taxation.....47

Topical issues of science and law enforcement practice

Aleshukina S.

On the question of resolution of labor disputes by arbitration courts.....54

Bezhentsev A.

Administrative offense: ontology of guilt and punishment.....59

Kirillov D., Sechenova E.

Internal inconsistency of the concept of "tolerance" in united nations documents: constitutional and legal analysis.....67

Sirik N., Kuskov A.

Typical mistakes in the contractual work of tourist organizations with consumers.....75

Tumanova L.

Role of the qualification of judges in ensuring the authority of the judicial power.....84

Issues of state history and law

Smirnov S.

Some aspects of development of the historiography of Tver teacher's school for women named after P.P. Maksimovich at the modern stage.....93

Overview and announcements of scientific events

Zhukova O., Ogarkova N.

Prospects for the development of administrative court proceedings in Russia (based on materials of the interregional scientific and practical conference).....100

Tribune young scientist

Andrianov V.

Separate issues of providing legal assistance in protecting the public interest.....110

Telegin R.

Legalisation of the concept of "family member": cross-industry approach.....116

Khokhlov S.

Role of bodies of state power of the subjects of the Russian Federation and local self-government authorities in management of multi-family dwellings.....124

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.63

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС В АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ: О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ СТАТЬИ 86 СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.Ф. Беспалов

ФГБОУ ВО «Российская государственная академия
интеллектуальной собственности», г. Москва

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.007

В данном научном труде представлен подход автора к пониманию существа интереса и пределов его действия в алиментных обязательствах родителей и детей, связанных с участием родителей в дополнительных расходах на содержание ребенка, которые вызваны исключительными обстоятельствами. Сделан вывод о том, что дополнительная забота родителей о ребенке возникает на основании нескольких взаимосвязанных между собой обстоятельств: родственной связи; трудной жизненной ситуации, в которой оказался ребенок; отношений по содержанию; неурегулированности разногласий между родителями; наличия объективной связи исключительных обстоятельств с расходами; имущественного интереса родителей и ребенка. Предложено изменить редакцию ст. 86 СК РФ с целью соответствия содержащихся в ней положений интересам родителей и ребенка, характеризующихся их гармоничным сочетанием.

Ключевые слова: *интерес, родители, ребенок, пределы, благополучие, забота.*

Вопросы, связанные с осуществлением имущественных прав и действием интересов в семейных отношениях, в современных условиях не утрачивают своей актуальности, а их решение представляет теоретическую и практическую значимость.

В российской науке семейного права имущественные права и интересы исследованы в основном в двух аспектах: 1) применительно к имущественным отношениям супругов (бывших супругов), иных членов семьи в широком смысле; 2) в алиментных обязательствах как одном из видов имущественных отношений в семье [3 – 5, 6, 8, 9].

Всесторонне проблема публичного и частного интересов в семье на уровне монографических исследований представлена профессором О.Ю. Ильиной [7].

В данной статье автор изучает имущественный интерес в алиментных обязательствах родителей и детей, предусмотренный ст. 86 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ),

устанавливающей специальный правовой механизм участия родителей в дополнительных расходах на своего ребенка.

Все отношения по содержанию в российской семье, в том числе и алиментные обязательства, действующие в принудительном порядке, построены на принципе взаимной заботы членов семьи друг о друге. Данный принцип представляется важнейшей семейной ценностью в РФ. Семейное мировоззрение и реально складывающиеся семейные отношения признают заботу членов семьи друг о друге как естественное явление. Отношения по содержанию следует понимать не только в качестве основной и взаимной имущественной заботы, обеспечивающей жизнь и деятельность членов семьи, но и в качестве дополнительной обязанности некоторых членов семьи по отношению друг к другу, в нашем случае родителей и ребенка, действующей наряду с основной заботой. Как правило, родители добровольно исполняют дополнительную обязанность по содержанию своих детей. Дополнительное имущественное содержание, осуществляемое в принудительном порядке, допускается лишь при наличии совокупности обстоятельств, названных в СК РФ, и по судебному постановлению.

В пределах действия ст. 86 СК РФ дополнительная забота возможна при наличии нескольких взаимосвязанных условий: 1) родство по нисходящей линии, законодательно оформленное; 2) наличие исключительных обстоятельств, характеризующих ребенка, оказавшегося в трудной жизненной ситуации; 3) наличие отношений по содержанию, действующих добровольно или принудительно; 4) неурегулированность разногласий между родителями по участию в дополнительных расходах на ребенка; 5) непосредственная связь дополнительных расходов с исключительными обстоятельствами; 6) имущественный интерес родителей и ребенка, в том числе материальное и семейное положение родителей и ребенка.

В свою очередь, исключительные обстоятельства с учетом дополнений ст. 86 СК РФ, внесенных Федеральным законом от 06.02.2020 г. № 10-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации», представляются в виде: 1) тяжелой болезни, увечья, иного повреждения здоровья, т.е. касаются состояния здоровья ребенка, требующего его восстановления; 2) отсутствия жилого помещения, необходимого для постоянного проживания; 3) иных исключительных обстоятельств, определяемых судом, в случае спора между родителями.

Имущественный интерес в рамках ст. 86 СК РФ носит дополнительный характер, вызванный исключительными обстоятельствами, сложившимися в отношении ребенка. Пленум Верховного Суда РФ в п. 8, 40, 41 постановления от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел,

связанных со взысканием алиментов» определяет дополнительные расходы как разновидность алиментных платежей, разъясняет условия применения ст. 86 СК РФ и различает заслуживающие внимания обстоятельства и интерес «сторон».

Надо полагать, что участие родителей в несении дополнительных расходов следует понимать не в виде разновидности алиментных платежей, а в качестве дополнительной имущественной заботы наряду с основным содержанием при наличии условий, обозначенных в ст. 86 СК РФ. Не представляется возможным согласиться с позицией Пленума о том, что интерес и заслуживающие внимания обстоятельства следует различать. Интерес родителей и ребенка включает в себя и все обстоятельства, заслуживающие внимания, в том числе имущественное и семейное положение родителей и ребенка. Такой подход определил и Конституционный Суд РФ [1], полагая, что интерес – более емкое понятие, содержание которого составляют обстоятельства, заслуживающие внимания. Нельзя не отметить и суждение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ [2] относительно пределов действия имущественных интересов по ст. 86 СК РФ, согласно которому имущественный интерес трудоспособных детей старше 18 лет, обучающихся по очной форме, не защищается. Следовательно, имущественный интерес охраняется и защищается лишь при условии несовершеннолетия детей и не приобретения ими полной дееспособности по иным основаниям.

Имущественный интерес в данном случае, помимо дополнительного характера по отношению к родителям и ребенку и наличия исключительных обстоятельств по отношению к ребенку, определяется и их взаимным интересом или, как сказано в анализируемой статье – интересом «сторон». Нельзя не отметить, что употребление термина «сторон», явно некорректно. В семейном праве субъектов именуют членами семьи, родственниками, свойственниками. Например, мать, отец, ребенок, брат, сестра, бабушка, дедушка, внук, отчим, мачеха и т. д. Термин «стороны» обычно употребляется в процессуальном праве, либо в специальных положениях, регламентирующих отдельные виды правовых связей между субъектами. Следовательно, при толковании положений ст. 86 СК РФ интерес свойственен родителям и ребенку как участникам дополнительной заботы, вызванной исключительными обстоятельствами, в которых оказался ребенок. Кроме того, именуя субъектов семейных прав «сторонами», законодатель обезличивает их, стирает грани между отраслями права и подвергает сомнению самостоятельность семейного права как особой отрасли в системе российского права.

Таким образом, имущественный интерес применительно к участию родителей в дополнительных расходах на содержание их ребенка, вызванных исключительными обстоятельствами, в которых оказался ребенок, состоит: 1) из интереса ребенка, оказавшегося в сложной или трудной жизненной ситуации, требующей дополнительной заботы со стороны родителей; 2) интереса самих родителей; 3) интереса государства, определяющего пределы действия положений ст. 86 СК РФ с целью благополучия ребенка.

Интерес ребенка определяется наличием трудной жизненной ситуации, вызванной:

- 1) состоянием его здоровья;
- 2) отсутствием надлежащих жилищных условий;
- 3) иными обстоятельствами, когда сам ребенок не может преодолеть эти обстоятельства и требуется имущественное участие его родителей.

Интерес родителей определяется:

- 1) их имущественным, семейным положением, жилищными условиями и иными обстоятельствами, заслуживающими внимания и характеризующими их правовое положение;
- 2) наличием интереса ребенка, который объективно связан с интересом его родителей.

Интерес государства представляется в виде законодательного возложения на родителей заботы о своем ребенке в целях его благополучного воспитания и развития, становления социально зрелой, ответственной личности, достойного гражданина РФ.

На взгляд автора данных строк, интерес в рамках ст. 86 СК РФ весьма условное понятие, существенно осложненное последними поправками данной статьи, предусматривающими в качестве исключительного обстоятельства отсутствие у родителей жилого помещения, пригодного для постоянного проживания. Данное нововведение позволяет усомниться в справедливости и разумности содержащегося в нём законоположения.

В настоящее время немало россиян не имеют такого жилья по различным причинам, в том числе выходящим за рамки их объективных возможностей: не всякому из родителей под силу приобрести жилое помещение, пригодное для постоянного проживания. Эта «имущественная ноша» становится нереальной при отсутствии достойной, оплачиваемой работы по месту жительства большинства россиян и по другим уважительным причинам.

Данная поправка ст. 86 СК РФ не отвечает и важнейшей семейной ценности: продолжению рода или продолжению жизни как одной из основных функций здорового человека.

Российская семья во все времена самостоятельно обеспечивала свою жизнедеятельность, исходя именно из ее объективных возможностей. В РФ семьи различаются уровнем самообеспечения, а следовательно, и имущественным состоянием. Препрежнее законодательство РФ не связывало продолжение человеческой жизни с имущественным положением мужчины и женщины, создавших семью, в том числе с наличием у них жилой площади. Более того, ст. 40 Конституции РФ устанавливает право россиян на жилище, а не на специальное жилое помещение. Жилище включает в себя любое помещение, используемое для проживания [5].

Имущественный интерес в рамках действия ст. 86 СК РФ включает в себя интерес частный и интерес публичный. Частный интерес представляется интересами семьи как самостоятельного субъекта прав и интересами ее членов: родителей и ребенка, как указано выше. Такой интерес действует как гармоничное сочетание условий жизни и деятельности семьи в целом и каждого ее члена в отдельности (родителей и ребенка). Публичный интерес представляется регламентацией государством дополнительной заботы родителей о своем ребенке, его благополучном воспитании и развитии на случай исключительных обстоятельств. Таким образом государство, исполняя свою обязанность заботиться о ребенке в рамках ст. 86 СК РФ, представляет свой интерес путем регламентации заботы родителей о благополучном развитии ребенка, находящегося в трудной жизненной ситуации. Теперь государственные механизмы дополняют имущественный интерес, представленный в ст. 86 СК РФ, и интересом государства не в рамках собственной заботы о жизни и деятельности нормальной российской семьи, а в рамках возложения дополнительной обязанности на родителей по обеспечению ребенка жилым помещением, пригодным для постоянного проживания.

Родители обязаны заботиться о своем ребенке, что и так ясно каждому. Человек как разумное существо стремится к тому, чтобы создать нормальные условия для своей жизни и жизни своих родных и близких, которые не могут самостоятельно создать такие условия. Родители, чтобы стать таковыми, обязаны иметь жилое помещение, пригодное для постоянного проживания, или приобрести такое жилье для ребенка, а это вызывает множество вопросов и создает новые неопределенности.

Быть родителем – глубочайшая обязанность, а теперь появился и новый дополнительный элемент этой обязанности: обязанность иметь жилое помещение, и не всякое, а пригодное для постоянного проживания. Данное обстоятельство – свидетельство явного неуважения к основной семейной ценности – продолжению человеческой жизни на земле.

Оговоримся, действие такой обязанности связано с волей суда: «суд вправе» признать отсутствие жилого помещения, пригодного для постоянного проживания, исключительным обстоятельством. Но и от этого родителям, в том числе потенциальным, нелегче. Бесспорно, благополучие ребенка предполагает и наличие надлежащих жилищных условий. К решению данной проблемы для семей, не способных самостоятельно ее преодолеть, необходимо привлекать само государство. Такое положение будет отвечать интересам российской семьи и подтверждать реальную заботу государства о ребенке.

Изложенное позволяет заключить следующее:

1. Имущественный интерес в пределах ст. 86 СК РФ понятие емкое, весьма условное, связанное с волей правоприменителя. Его обеспечение может выйти за пределы объективных возможностей некоторых россиян и поставить перед ними неразрешимую проблему.

2. Имущественный интерес в анализируемых положениях зависит от публичной власти и связан с обстоятельствами, выходящими за рамки возможностей некоторых родителей.

3. Интерес ребенка и интерес родителей, в пределах действия ст. 86 СК РФ, могут вступить в неразрешимое, без участия государства, противоречие. Такое положение явно не за российские семейные ценности.

4. Статью 86 СК РФ необходимо поправить и вернуться к ранее действующей первоначальной редакции, которая в полной мере отвечала требованиям российских семейных ценностей.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 г. № 632-О // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 г. № 18-КГ19-87 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Беспалов Ю.Ф. Все о взыскании алиментов. Теория и практика: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. 128 с.
4. Беспалов Ю.Ф. Воля и интерес ребенка по-семейному и гражданскому законодательству РФ // XII Международная научно-практическая дистанционная конференция «Наука и образование» (Мюнхен, 1 – 2 июля 2016 г.): сб. трудов. С. 127 – 131.
5. Беспалов Ю.Ф. Понятие «жилище» и «жилое помещение» по законодательству Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 26 – 29.
6. Ильина О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18 – 21.
7. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 347 с.

8. Касаткина А.Ю. Алиментные обязательства в Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2020. 96 с.

9. Рабец А.М. Методологические и теоретические проблемы правового регулирования отношений по взаимному алиментированию: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1992.

Об авторе:

БЕСПАЛОВ Юрий Федорович – заведующий кафедрой авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС), доктор юридических наук, профессор, председатель Владимирского областного суда в отставке. SPIN-код: 9432-6027; e-mail: nksmgs@mail.ru

**PROPERTY INTEREST IN MAINTENANCE OBLIGATIONS:
ON THE SCOPE OF ARTICLE 86 FAMILY CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Yu.F. Bespalov

Russian State Academy intellectual property

This scientific work presents the author's approach to understanding the essence of interest and the extent of its action in the alimony obligations of parents and children associated with the participation of parents in additional costs for the maintenance of a child, which are caused by exceptional circumstances. It is concluded that additional parental care for the child arises on the basis of several interrelated circumstances: kinship; difficult life situations in which the child finds himself; content relationships; unresolved disagreements between parents; the existence of an objective connection of exceptional circumstances with costs; property interests of parents and the child. It is proposed to change the wording of Art. 86 of the IC of the Russian Federation in order to comply with the provisions contained in it with the interests of parents and the child, characterized by their harmonious combination.

Keywords: *interest, parents, child, limits, well-being, care.*

About author:

BESPALOV Yuri – Head of the Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines, Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS), Doctor of Law, Professor, Chairman of the Vladimir Regional Court, retired. SPIN-code: 9432-6027, e-mail: nksmgs@mail.ru

Беспалов Ю.Ф. Имущественный интерес в алиментных обязательствах: о пределах действия статьи 86 Семейного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 7 – 13.

УДК 347.132.6

ПОРОК ЦЕЛЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СДЕЛКИ КАК ОБЩЕПРАВОВОЕ ОСНОВАНИЕ ЕЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Н.В. Зайцева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, г. Москва

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.014

В статье рассматриваются сделки, противоречащие по своему характеру нормативным актам и публичному порядку, проведен анализ правовых последствий выявления «незаконной» цели сделки с точки зрения различных правопорядков.

Ключевые слова: *незаконность сделки, публичный порядок, основания нелегальных сделок, тест на достоверность, нравственность и правопорядок.*

Стабильность гражданских правоотношений обеспечивается созданием понятного правового регулирования и очевидным набором исключений, к которым относятся основания изъятия правовой связи из коммерческого оборота (например, признание сделки недействительной). От того, насколько эти основания понятны субъектам предпринимательской деятельности, зависит эффективность правового регулирования и реализация принципа юридической определенности. Участники гражданских правоотношений должны осознавать и учитывать риски признания сделки недействительной и последствий такого признания.

Для любой правовой системы главная цель таких изъятий – не допустить реализации правоотношений с правовыми дефектами, поскольку в конечном итоге это может нарушить права и законные интересы самих участников, третьих лиц или государства.

Одним из оснований признания сделки недействительной является незаконный характер сделки или ее общая целевая направленность [20, с. 22]. Система общего и континентального права выделяет общую «незаконность» сделки – как общепризнанное основание недействительности. При этом незаконность определяется как противоречие цели сделки действующим нормативно-правовым актам или основам правопорядка. И в этой части между правовыми системами существуют различия, а именно как страны оценивают основы правопорядка, справедливость, моральные и нравственные устои, антисоциальный характер сделки и т. д.

Для английского права традиционным является подход, не позволяющий придавать юридическую силу контрактам, которые незаконны и противоречат публичному порядку. В случае такой явной

противозаконности договора стороны не смогут привести его в исполнение, поскольку государство не может обеспечивать такие сделки судебной защитой, а органы правосудия, в свою очередь, не могут принимать на себя репутационные риски, «поддерживая» соглашения, противоречащие публичному порядку. Помимо этого, право даже в сфере гражданско-правовых отношений продолжает выполнять определенную «превентивную» функцию, и отказ от судебной поддержки таких сделок будет препятствовать их последующему заключению [7, 12, 17]. Тем не менее отсутствует единое мнение относительно «правильности» такого подхода к последствиям незаконных сделок, поскольку сделка может быть аморальной, но не противоречащей закону, одна из сторон может ничего не знать о противоправных намерениях другой стороны, а наказание за такие сделки дублирует функции уголовного права, – основная задача которого сдерживать потенциально девиантное поведение.

В английском праве сформировались различные доктринальные подходы к классификации противозаконных соглашений. Выделяются соглашения, недействительные в силу закона, по общему праву и противоречащие публичному порядку [22, с. 448]; существует разграничение контрактов, в зависимости от того, связаны они с правонарушением, противоречием публичному порядку или договоры объявляются недействительными в силу закона, не нарушая при этом конкретную норму материального права [25]. Еще одна классификация предлагает отдельно рассматривать незаконность, возникшую при исполнении контракта, незаконность в силу нормативно-правовых актов и незаконность по общему праву [23, с. 328].

В качестве общего основания можно отметить как минимум два источника — это закон и общее право. Так, договор недействителен, если его заключение прямо или косвенно нарушает норму закона. Основные сложности на практике возникают, когда запрет относится к косвенному нарушению закона и судебному органу необходимо определить скрытое намерение законодательного органа запретить именно такую сделку [14]. В настоящее время нормативные акты достаточно часто содержат условия, определяющие последствия для контрактов, заключенных в нарушение этого закона, чтобы избежать неправильного толкования косвенного запрета, поэтому суды неохотно идут на признание подразумеваемого запрета в законе [5, 16].

Незаконность в общем праве чаще всего встречается в контрактах, в рамках которых (или в связи с которыми) совершается преступление; в контрактах которые нарушают стандарты морали и которые наносят ущерб институту брака. Для любой правовой системы сложным является разграничение правовых и моральных стандартов, особенно с

учетом изменчивости последних. Так, в определенный период времени контракты между сожительствующими парами считались противоречащими публичному порядку. Однако отношение к парам, живущим в незарегистрированном браке, меняется, и там, где лица живут совместно в стабильных отношениях, маловероятно, что суд рассмотрит имущественные отношения, вытекающие из такого брака, противоречащими публичному порядку [18].

Договоры, наносящие ущерб институту брака, также противоречат государственной политике: например, договор, который удерживает сторону от вступления в брак [8]. В деле *Spiers v Hunt* (1908) [15] обещание мужчины жениться на истице после смерти его жены было признано противоречащим публичному порядку, по причине поощрения распущенности и создания предпосылок более вероятного распада брака (хотя следует отметить, что возможность исков за нарушение обещания жениться была упразднена после правовой реформы).

К соглашениям, противоречащим общему праву, относятся контракты на совершение преступления или гражданского правонарушения [4, 6, 9]. Договор на совершение действия, которое может быть основанием для возникновения деликтного обязательства, также незаконен (например, соглашение на публикацию клеветы), недействительны любые гарантии, выдаваемые лицу о возмещении расходов и т. д. связанных с потенциальным деликтом. Отдельного внимания заслуживают соглашения, причиняющие вред правосудию. Единственная возможная сфера для договорного регулирования — это сделки со следствием, любые иные – о даче ложных показаний в уголовном процессе [13]; о прекращении уголовного преследования; соглашения о противодействии процедуре банкротства; соглашения, которые направлены на злоупотребление процессуальными правами или на поощрение разбирательств, признаются незаконными. Также противоречат публичному порядку контракты, которые ограничивают право стороны обращаться в суд в случае возникновения спора.

Соглашения, которые направлены на нарушение принципов международного права (вмешательства во внутренние дела государства посредством содействия насильственному свержению режима [24, с. 65], организации торговли с недружественными государствами или режимами, находящимися под санкциями, поощрение коррупции, продажа публичных должностей и наград [10] и т. д.), не имеют юридической силы и также рассматриваются судами в русле противоречия общему праву и публичному порядку.

Основная задача классификации – определение правовых последствий, которые возникают при признании сделки незаконной в случае противоречия закону или публичному порядку. Общий подход для «незаконных» контрактов – невозможность их принудительного

исполнения в суде, при этом невозможность исполнения предполагается в широком смысле: никакие требования не могут быть поддержаны в суде, если в итоге они приведут к косвенному признанию незаконной сделки – полностью или в части.

Следует отметить, что подход к определению последствий незаконных действий и возможности их защиты существенным образом изменился после рассмотрения в 2016 г. дела *Patel v Mirza* [11]. Верховный суд Соединенного Королевства впервые отклонил формальный критерий, определяющий, может ли ответчик по гражданскому иску полагаться на неправомерное действие истца в его иске, заменив его подходом, учитывающим более широкий спектр фактов и расширяющим случаи действия защиты.

В предыдущем главном прецедентном деле *Tinsley v Milligan* [18] большинство членов Палаты лордов (в настоящее время Верховный суд Великобритании) сформулировало так называемый «тест на достоверность, основанный на критерии доверия». Он означал, что если ответчик выступил в защиту незаконности, суд рассмотрит вопрос о том, «основывался ли» иск на незаконном деянии самого заявителя, и исходя из этого стороне может быть предоставлена защита.

В деле *Patel v Mirza* Верховный суд согласился с критикой «критерия доверия», по следующим причинам:

- тест разрешал предоставлять защиту в делах в соответствии с процедурной технологией, которая не имеет ничего общего с интерпретацией основ публичного порядка;
- проверка не позволила провести различие между «периферийной и центральной» и «незначительной и серьезной» незаконностью;
- суды имели возможность избежать правила, если им не нравятся последствия его применения, что нарушало принцип правовой определенности;
- правило, основанное на государственной политике, «должно стремиться к наиболее желательному результату для данной политики».

В результате рассмотрения дела Лорд Тулсон изложил новый критерий «диапазона факторов» следующим образом: обоснование доктрины незаконности заключается в том, что исполнение требований против государства будет противоречить общественным интересам, если это нанесет ущерб целостности правовой системы, поэтому при оценке влияния на общественный интерес необходимо:

- a) рассмотреть основную цель запрета, который был нарушен, и будет ли эта цель усилена отказом в иске;
- b) рассмотреть другое направление государственной политики, на которую может повлиять отказ в поддержании исковых требований;

с) рассмотреть вопрос о том, будет ли отказ в иске соразмерным ответом на незаконность, учитывая, что наказание является делом уголовных судов.

Таким образом, система общего права использует критерий эффективного достижения целей при определении последствий признания сделки недействительной. Помогает ли отказ в признании исковых требований приблизиться к целям правового регулирования в данной вопросе или, наоборот, отдаляет от них либо противоречит им?

Противозаконный характер сделки как основание недействительности предусмотрен в ст. 168 и 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. В первом случае речь идет о сделках, которые нарушают норму права, и это создает условия оспоримости сделки. Такой подход неслучаен – достаточно редко сделки, нарушающие закон, оспариваются самими участниками, чаще всего это делают государственные органы (налоговые, антимонопольные, таможенные и т.д.), в зависимости от того, положения какого нормативного акта нарушены. При этом характер нарушения и его тяжесть не учитываются на первоначальном этапе. Если нарушение не существенно и не было обнаружено государственными органами, или они не смогли его правильно квалифицировать, или оно в принципе не причинило вреда государственной политике, то нет смысла исключать такие сделки из гражданского оборота. В противном случае сделка будет признана недействительной по иску соответствующего органа и законность гражданского оборота в определенной части будет восстановлена.

Основные практические проблемы вытекают из ст. 169 ГК РФ, которая определяет ничтожность сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка и нравственности. Первое, что привлекает к себе внимание, это понятия правопорядка и нравственности, которые не имеют нормативного закрепления [19, с. 140]. Второе — это очевидное пересечение со ст. 168 ГК РФ, в результате которого становится непонятно, где заканчивается нарушение требований закона и иного правового акта и начинается противоречие правопорядку. Если ст. 168 ГК РФ имеет целью защитить конкретные нормы писаного права, то тогда правопорядок станет идентичным нравственности – как категории, имеющей в своем основании некий моральный стандарт.

Сложность разграничения нарушения правопорядка и норм права наглядно демонстрирует Определение Конституционного Суда РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О [2], в котором суд, определяя категорию правопорядка, указывает на явную «антисоциальную» цель сделки, как главный классифицирующий признак, и в то же время относит к основаниям применения ст. 169 ГК РФ нарушение налогового

законодательства, при этом значительная часть судебной практики свидетельствует о применении в этих случаях ст. 168 ГК РФ, поскольку речь идет о нарушении конкретных норм Налогового кодекса РФ. Критерий разграничения, обозначенный Конституционным Судом как не простое «не соответствие» закону, а явное противоречие ему, не вносит никакой ясности, а скорее наоборот, отдаляет как участников гражданского оборота, так и судебные органы от решения проблемы. Правовые механизмы, которые используются в гражданском праве, часто недостаточны для определения действительных намерений сторон. Поэтому установить цели, направленные на явное нарушение закона в рамках гражданских отношений, достаточно сложно, тем более что, следуя логике Конституционного Суда, цель должна быть основополагающей, а значит, должна быть каким-то образом зафиксирована.

Разграничение правопорядка и нравственности также не является тривиальной задачей в условиях отечественного права. Не очевидно решение вопроса содержательного пересечения категорий публичного порядка, морали, нравственности, правопорядка и т. д, при условии, что это не простое несоответствие нормам закона или права, поскольку в данных случаях применяется ст. 168 ГК РФ. Правовые последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ позволяют говорить о правопорядке и нравственности как о категориях, на которых основана вся правовая система [21, с. 56]. После внесения изменений в указанные статьи в 2013 г., Пленум Верховного Суда указал, что антисоциальными сделками по смыслу ст. 169 ГК РФ являются сделки, посягающие на основополагающие принципы общественных отношений, к которым относятся распространение объектов, ограниченных в гражданском обороте, пропаганда социальной, расовой, религиозной и иной дискриминации, сделки, нарушающие основополагающие принципы установления отношений в семье, и т. д. [3, п. 85].

Таким образом, категории правоотношений, подпадающих под действие ст. 169 ГК РФ, совпадают с отношениями, которые запрещаются в системе общего права в рамках публичного порядка, при этом правовые системы исходят из того, что закон не может запретить прямым образом всё, некоторые ограничения существуют как очевидные, в том числе в контексте исторического опыта той или иной страны. По этой причине нет смысла определять наличие намерений у обеих сторон или знания о нарушении публичного порядка в силу очевидности такого нарушения. Установление одной из самых жестких санкций в гражданском кодексе за нарушение данной статьи (взыскание в доход государства всего полученного по сделке) связано с желанием придать ст. 169 ГК РФ максимальный превентивный эффект. Несмотря на изначальную ничтожность таких сделок, для стабильности

правопорядка важно, чтобы подобные сделки не заключались в принципе, нежели исключались из оборота постфактум.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г., с изм. от 12.05.2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Уфимский нефтеперерабатывающий завод" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49667/#dst100011
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/
4. Alexander v Rayson (1936) 1 KB 169. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/alexander-v-rayson.php?vref=1>
5. Archbolds (Freightage) Ltd v Spanglett Ltd. URL: <https://pdfslide.net/documents/archbolds-freightage-ltd-v-spanglett-limitedpdf.html>
6. Bigos v Bousted (1951) 1 All ER 92. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/bigos-v-boustead.php?vref=1>
7. Holman v Johnson (1775) 1 Cowp 341. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/holman-v-johnson.php?vref=1>
8. Lowe v Peers (1768) 2 Burr 2225. URL: <https://lawlegal.eu/lowe-v-peers/>
9. Miller v Karlinski (1945) 62 TLR 85. URL: <https://swarb.co.uk/miller-v-karlinski-ca-1945/>
10. Parkinson v College of Ambulance Ltd (1925) 2 KB1. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/parkinson-v-college-of-ambulance.php?vref=1>
11. Patel v Mirza [2016] UKSC 42. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2016/42.html>
12. Pearce v Brooks (1866) (1866) LR 1 Ex 213. URL: <https://lawcasesummaries.com/wp-content/uploads/kalins-pdf/singles/pearce-v-brooks-1866-lr-1-ex-213.pdf>
13. R v Andrews (1973) QB 422, R v Andrews [2003] EWCA Crim 2750. URL: <https://www.e-lawresources.co.uk/R-v-Andrews.php>
14. Re Mahmoud and Ispahani (1921) 2 KB 716. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/re-mahmoud-v-ispahani.php?vref=1>
15. Spiers v Hunt (1908) 1 RD 720. URL: <https://swarb.co.uk/spiers-v-hunt-1908/>
16. St John Shipping Corp v Joseph Rank Ltd (1957) 1 QB 267,289. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/st-john-shipping-v-joseph-rank.php?vref=1>
17. Taylor v Bowers (1876) 1 QBD 291. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/taylor-v-bowers.php>

18. Tinsley v Milligan (1994) 1 AC 340. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1993/3.html>

19. Ельцов В. Н. Некоторые проблемы практики применения норм о последствиях сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 8 (148). С. 140 – 144.

20. Егоров Ю.П. Законодательные требования к совершению сделок // Право и экономика. 2004. № 6. С. 21 – 28.

21. Тузов Д.О. Ничтожность сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта (некоторые размышления о новой редакции ст. 168 ГК) // сб. научных статей памяти Е.А. Крашенинникова / отв. ред. А.П. Сергеев. Ярославль, 2014. С. 55 – 70.

22. Cheshire, Fifoot, and Furmston, «Law of Contract», OUP Oxford; 2017. 17 edition. P. 896.

23. McKendrick Ewan «Contract Law», 13 edition, Macmillan Law Masters, Red Globe Press. 2019. P. 476.

24. Phillip R Wood «Conflict of Laws and International Finance», London, Sweet and Maxwell. 2007. P. 696.

25. Treitel G.H., Edwin Peel, «The Law of contract», Sweet and Maxwell ltd. 2020. 15 edition. P. 1388.

Об авторе:

ЗАЙЦЕВА Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84), ORCID:0000-0002-3636-8339; SPIN-код 1225-6028; e-mail: zaytsevanv@gmail.com

DEFECT OF THE TRANSACTION'S TARGET AS A GENERAL LEGAL BASE OF INVALIDITY

N.V. Zaytseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The main target of this article is a research of the deals with transactions that are contrary to law and public policy and analyzes the legal consequences of identifying the "illegal" purpose of the transaction from the point of view of various legal orders.

Keywords: *illegality of the contracts, public order, grounds for illegal transactions, test for reliability, morality and law.*

About the author:

ZAYTSEVA Natalia – PhD, Assistant professor of the Legal Support of Market Economy Department, Institute of Public Administration and Civil Service, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (119571, Russia, Moscow, Vernadsky Ave., 84). ORCID: 0000-0002-3636-8339; SPIN-code: 1225-6028; Email: zaytsevanv@gmail.com

Зайцева Н.В. Порок целевой составляющей сделки как общеправовое основание ее недействительности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 14 – 22.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 34.023

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.023

Рассматриваются особенности осуществления контрольной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в условиях действия нового законодательства.

Ключевые слова: *контроль, контрольная деятельность, органы государственной власти, местное самоуправление.*

31 июля 2020 г. был принят Федеральный закон № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [1], который вступит в силу в целом, за исключением ряда положений, 1 июля 2021 г. Данный законодательный акт содержит ряд положений, в которых законодатель не только по-новому регламентирует правила проведения контрольных мероприятий, но и определяет принципиальные позиции государства в сфере контрольных правоотношений.

Рассматривая вопрос о правовом регулировании контрольной деятельности, следует исходить из того, что основы этой деятельности определены Конституцией РФ. Хотя вопросы осуществления данного вида деятельности в конституционном акте напрямую не регламентируются, все же анализ конституционных норм позволяет сделать вывод о наличии контрольных полномочий определенных субъектов и их конституционной регламентации. Так, Конституция РФ закрепляет контрольные полномочия главы государства, выражающиеся в формировании органов власти (ст. 83, 85, 107, 111). Закрепляются контрольные полномочия и за Федеральным Собранием РФ. Более того, в связи с изменениями Конституции, которые произошли в 2020 г., следует отметить, что контрольные полномочия этого органа существенно расширились. В ст. 103.1 закреплено право палат Парламента осуществлять парламентский контроль, которое может быть реализовано путем направления парламентских запросов руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц. Стоит подчеркнуть, что законодательный орган

государственной власти получил право контролировать не только деятельность органов государственной власти, но и деятельность органов местного самоуправления. Конституционный акт предусматривает и формирование Парламентом специального контрольного органа – Счетной палаты (ч. 5 ст. 101).

В ст. 114 Конституции РФ определены полномочия Правительства РФ, в число которых входит обеспечение законности (а контроль и надзор являются способами обеспечения законности), прав и свобод граждан, охрана собственности и общественного порядка, борьба с преступностью.

Определены в конституционном акте страны и основы осуществления конституционного контроля, посредством разрешения дел о соответствии нормативных правовых актов Конституции РФ.

Таким образом, нормы Конституции РФ заложили тот фундамент правовых основ, на базе которых строится контрольная деятельность в государстве. Эти конституционные нормы получили развитие в ряде законов и подзаконных актов, носящих как общий, так и специальный характер, узконаправленный, заключающийся в регулировании отдельных видов контрольной деятельности. Сложился целый комплекс правовых актов, которые составляют основу деятельности контролирующих органов. Следует обратить внимание на то, что разработка и принятие многих правовых актов, направленных на регулирование контрольной и надзорной деятельности, осуществляемой в государстве, были связаны с реализацией антикоррупционной политики государства. Были приняты такие значимые законодательные акты, как Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции» [2], Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [3].

К числу актов, в которых закреплены нормы, регулирующие контрольную деятельность, следует отнести и Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [4].

Помимо этого к источникам, регулирующим контрольные отношения, конечно, относятся и Бюджетный кодекс РФ, законы об охране окружающей среды, об экологической экспертизе, земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ и др.

Есть ряд специальных актов, направленных на регулирование только контрольных отношений: Указ Президента от 12 мая 1997 г. № 477 «О мерах по усилению контроля за использованием средств федерального бюджета» [5], Постановление Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1035 «О государственном надзоре и контроле за

соблюдением законодательства Российской Федерации о труде и охране труда» [6] и др.

Содержатся нормы, регулирующие контрольные полномочия и в актах субъектов Федерации.

Однако обратимся к изменениям федерального законодательства, произошедшим в этом году. Вышеупомянутый Федеральный закон № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о контроле) устанавливает, что под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований. Закон исходит из того, что данная деятельность осуществляется в пределах полномочий указанных органов посредством:

- во-первых, профилактики нарушений обязательных требований;
- во-вторых, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований;
- в-третьих, выявления их нарушений;
- в-четвертых, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений.

Новый Закон о контроле фактически приравнивает контроль и надзор, хотя эти понятия, используемые в административном праве, давно обрели свое содержание и не имеют абсолютного совпадения. Контроль как способ обеспечения законности в сфере управления отличается от надзора по ряду позиций. Во-первых, между контролирующим и подконтрольным субъектом должны существовать отношения, основанные на нормативном закреплении подконтрольности одного субъекта другому; во-вторых, в рамках контрольной деятельности проверяется не только законность, но и целесообразность деятельности подконтрольного субъекта; в-четвертых, контролирующий субъект, проверяя целесообразность деятельности подконтрольного субъекта, может вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность подконтрольного, наконец, в-пятых, контролирующий субъект вправе отменить решения подконтрольного субъекта. При осуществлении надзора субъект, его реализующий, вправе проверять лишь законность поднадзорного субъекта и не может сам отменять решения поднадзорного.

Если обратиться к анализу положений нового Закона о контроле, которые устанавливают виды решений, принимаемых по результатам контрольных (надзорных) мероприятий, то можно констатировать, что в

большинстве таких решений могут содержаться меры профилактического характера или меры пресечения. Лишь в одном случае Закон о контроле предусматривает право контролирующего субъекта при наличии соответствующих у него полномочий принять меры по привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности. И опять же речь идет не о возможности отменить решение подконтрольного субъекта (что характеризовало бы эту деятельность как контрольную), а о возможности применения мер ответственности.

Но главной новеллой рассматриваемого законодательного акта является установление правила, согласно которому контрольная (надзорная) деятельность осуществляется на основе управления рисками причинения вреда (ущерба). Такой риск-ориентированный контроль (надзор) определяет выбор профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий, их содержание (в том числе объем проверяемых обязательных требований), интенсивность и результаты.

Другими словами, контрольным мероприятиям должны подвергаться те субъекты, которые действуют в сферах, где имеется риск (т. е. потенциальная угроза) причинения вреда (ущерба). Под риском причинения вреда (ущерба) рассматриваемый Федеральный закон понимает вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда (ущерба) различного масштаба и тяжести охраняемым законом ценностям.

При этом законом предусмотрено, что управление рисками причинения вреда (ущерба) осуществляется путем проведения профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий на основе оценки рисков причинения вреда (ущерба). Поскольку мы здесь встречаемся с понятием «оценка рисков», возникает вопрос о том, кто и по каким критериям будет осуществлять такую оценку. Закон дает ответ на этот вопрос, отсылая к нормативному правовому акту Правительства РФ, в котором должны быть определены следующие позиции. Прежде всего, должны быть установлены общие требования к порядку организации оценки риска причинения вреда (ущерба) при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля. Помимо этого Правительством РФ должны быть установлены правила определения критериев и категорий риска, порядок отнесения объектов контроля к категориям риска. Должны быть установлены индикаторы риска нарушения обязательных требований, а также порядок их выявления с указанием источников сведений, используемых при оценке риска причинения вреда (ущерба). Этим же актом Правительства РФ предполагается установление порядка сбора, обработки, анализа и учета сведений, используемых при

оценке риска причинения вреда (ущерба). Помимо этого Правительство РФ должно определить периодичность проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий в зависимости от категории риска.

Введение риск-ориентированного контроля вызывает необходимость определить категории риска. Такое право Закон о контроле отдает контролирующему (надзорному) органу и устанавливает, что он может отнести объекты контроля к одной из следующих категорий риска причинения вреда (ущерба): чрезвычайно высокий риск; высокий риск; значительный риск; средний риск; умеренный риск; низкий риск. При этом в положении о виде контроля должно быть предусмотрено не менее трех категорий риска, в том числе в обязательном порядке категория низкого риска. Следует отметить, что Федеральным законом № 248 предусматривается возможность всех трех уровней власти (федеральной, региональной и местной) принятия положений об отдельных видах контроля (надзора).

Положение закона, согласно которому контролирующий орган определяет категорию риска подконтрольного объекта, является весьма уязвимым, хотя Законом о контроле и определены требования к порядку установления категории риска, согласно которым такие критерии риска должны учитывать тяжесть причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям и вероятность наступления негативных событий, которые могут повлечь причинение вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, а также учитывать добросовестность контролируемых лиц. Ключевым здесь является то, что контролирующий субъект может по-разному оценить риск причинения вреда (ущерба), даже если будет придерживаться всех требований, предъявляемых к этой процедуре Законом о контроле. Так, при определении критериев риска оценка тяжести причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям проводится на основе сведений о степени тяжести фактического причинения вреда (ущерба) в подобных случаях. По сути дела, в данном положении содержится коррупциогенный фактор. Согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [7], коррупциогенным фактором является широта дискреционных полномочий, под которой понимается, в том числе, и неопределенность условий принятия решений.

Еще одно положение Федерального закона № 248 заставляет задуматься об условиях его реализации. В п. 9 ст. 23 установлено, что при принятии решения о проведении и выборе вида внепланового

контрольного (надзорного) мероприятия опять же сам контрольный (надзорный) орган разрабатывает индикаторы риска нарушения обязательных требований. При этом, определяя индикатор риска нарушения обязательных требований, контролирующий субъект должен оценить, имеется ли соответствие или отклонение от параметров объекта контроля, которые «сами по себе не являются нарушениями обязательных требований, но с высокой степенью вероятности свидетельствуют о наличии таких нарушений и риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям»[1]. Помимо того, что можно отметить сложность текста данной статьи, в ней фактически идет речь о праве контролирующего органа дать оценку наличию или отсутствию отклонения от параметров объекта контроля. Ведь в данном случае контролирующий субъект еще не решает вопрос о наличии или отсутствии нарушений в деятельности подконтрольного объекта, а оценивает параметры объекта контроля. И здесь имеет место один из коррупциогенных факторов – юридико-лингвистическая неопределенность, которая выражается в употреблении категорий оценочного характера.

Положения Федерального закона № 248 еще предстоит оценить по результатам мониторинга его правоприменения. Есть ряд новелл, которые, несомненно, следует оценить как положительные. Например, в Законе № 248-ФЗ содержится прямой запрет на оценку результативности и эффективности деятельности контрольного (надзорного) органа в зависимости от количества проведенных контрольных мероприятий; выявленных нарушений; лиц, привлеченных к ответственности и т. д. Это должно привести к сокращению неоправданных проверок и применения санкций (п. 7 ст. 30 Закона № 248-ФЗ). Однако наряду с этим имеются и положения, которые уже сейчас вызывают вопросы и требуют необходимой корректировки.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Информационный портал Гарант.ру (дата обращения: 24.10.2020).
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228.
3. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50, ч. 4. Ст. 6953.
4. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
5. Указ Президента от 12 мая 1997 г. № 477 «О мерах по усилению контроля за использованием средств федерального бюджета» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.10.2020).

6. Постановление Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1035 «О государственном надзоре и контроле за соблюдением законодательства Российской Федерации о труде и охране труда» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.10.2020).

7. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF STATE CONTROL ACTIVITIES AT THE PRESENT STAGE

N.A. Antonova

Tver State University

The article deals with the peculiarities of control activities of state and local government bodies in the context of the new legislation.

Keywords: *control, control activity, state authorities, local self-government.*

About the author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Особенности правового регулирования контрольной деятельности государства на современном этапе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 23 – 29.

УДК 339.543

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.030

Рассматриваются актуальные проблемы таможенного контроля. Анализируются нормы таможенного законодательства, правоприменительная практика таможенных органов, практика по делам о правонарушениях в сфере таможенного дела.

Ключевые слова: *таможенное законодательство, таможенный контроль, совершенствование таможенного контроля, правонарушения в сфере таможенного дела.*

Вступление в силу в 2018 г. Таможенного кодекса ЕАЭС [1], Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [4], повлекших, в свою очередь, разработку новых подзаконных нормативных правовых актов, оказало существенное влияние на правоприменительную практику таможенных органов. Таможенные органы наделены правом осуществления не только таможенного контроля, но и иных видов государственного контроля. Произведена законодательная корректировка форм таможенного контроля. Нормами Таможенного кодекса ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС) и Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О таможенном регулировании») установлен перечень мер обеспечения таможенного контроля, детализировано содержание этих мер и условия их применения таможенными органами. Представляется актуальным исследование реализации названных и иных новых нормативных правовых актов таможенными органами с момента вступления в силу до настоящего времени для определения состояния таможенного контроля и его динамики. Результат исследования позволит оценить эффективность практической реализации новых норм таможенного права, а также может способствовать разработке направлений совершенствования правовых норм, регулирующих осуществление таможенными органами таможенного контроля и иных видов государственного контроля и совершенствования таможенного законодательства в целом. Объективная оценка состояния, динамики и эффективности таможенного контроля возможна на основе анализа результатов деятельности таможенных органов, связанной с выявлением и

пресечением административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний в сфере таможенного дела.

Анализ административного производства таможенных органов позволяет сделать выводы о том, что наиболее часто выявляются правонарушения, связанные с недостоверным декларированием и недекларированием товаров, предусмотренные ст. 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3], нарушение ограничений и запретов на трансграничное перемещение товаров (ст.16.3 КоАП РФ), нарушение валютного законодательства (ст. 15.25 КоАП РФ) (см. табл.1)

Таблица 1

Статья КоАП РФ		Количество возбужденных дел об административных правонарушениях		
		2018 г.	2019 г.	9 мес. 2020 г.
1	16.2	32 212	38 320	19 857
2	16.3	14 026	19 022	7 917
3	15.25	13 939	14 722	6 536

В 2018 г. таможенные органы взыскали 1,7 млрд руб. административных штрафов и передали в федеральную собственность имущество общей стоимостью 12,3 млрд руб.

В 2019 г. таможенные органы взыскали 2,3 млрд руб. административных штрафов и передали в федеральную собственность имущество общей стоимостью 9,7 млрд руб.

За 9 месяцев 2020 г. таможенные органы взыскали 1,7 млрд руб. административных штрафов и передали в федеральную собственность имущество общей стоимостью 7,9 млрд руб. [6].

Предметами административных правонарушений наиболее часто являются валюта, алкогольная продукция, табак, табачные изделия, продукция растительного происхождения, текстильные материалы и изделия, древесина и изделия из неё.

Исследование состояния и тенденций изменения уголовного законодательства в сфере таможенного дела актуально в связи с существенными изменениями и дополнениями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), регламентирующих уголовную ответственность в таможенной сфере, а также таможенного законодательства, вступлением в силу в 2018 г. ТК ЕАЭС [1], Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [4], повлекших, в свою очередь, разработку новых подзаконных нормативных правовых актов. Учитывая непосредственную связь законодательства и сферы экономики, именно реализация экономической политики повлекла, в конечном счете, внесение некоторых изменений в УК РФ. Утратила силу ст. 188 УК РФ,

диспозицией которой была предусмотрена уголовная ответственность за контрабанду, в том числе за товарную контрабанду (ч.1 ст.188 УК РФ) [5]. Правовая логика указывала на возможность совершенствования данной статьи УК РФ путем декриминализации товарной контрабанды. Законодатель же пошел по пути разработки множества новых статей УК РФ, диспозиции которых предусматривают составы контрабанды отдельных товаров.

Помимо ст. 226-1, предусматривающей ответственность за контрабанду ядовитых, взрывчатых, радиоактивных веществ, ядерных материалов, огнестрельного оружия, стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов и других товаров, а также ст. 229-1 о контрабанде наркотических и психотропных веществ, УК РФ предусматривает в настоящее время ст. 200.1 (контрабанда наличных денежных средств и инструментов, ст. 200.2 (контрабанда алкогольной продукции, табачных изделий) [2].

Кроме того, к преступлениям в сфере таможенного дела традиционно относятся незаконный экспорт из Российской Федерации товаров двойного назначения (ст. 189 УК РФ), невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ).

Правом производства неотложных следственных действий и предварительного расследования в форме дознания таможенные органы наделены также в отношении преступлений, предусмотренных ст.193 УК РФ (уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств), ст. 193.1 УК РФ (совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов, ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества), ст. 173.2 УК РФ (незаконное использование документов для образования юридического лица, ст. 173.1 УК РФ (незаконное образование юридического лица).

Практика производства неотложных следственных действий и предварительного расследования в форме дознания дел о преступлениях в сфере таможенного дела в Российской Федерации представлена в табл.2 [6].

Таблица 2

Статья УК РФ	Количество возбужденных уголовных дел			
	2018 г.	2019 г.	9 мес. 2020 г.	
1	226.1	586	679	736
2	229.1	303	234	149
3	200.1	90	72	54
4	200.2	52	51	90

5	189	1	1	2
6	190	1	-	-
7	194	359	344	268
8	193	246	190	66
9	193.1	171	194	154
10	173.1	79	115	95
11	173.2	163	131	128
12	174.1	3	3	8

За исследуемый период незаконно перемещены через таможенную границу ЕАЭС товары, в том числе стратегически важные ресурсы, на сумму 20,5 млрд руб. Сумма неуплаченных таможенных платежей составила 14 млрд руб. Не возвращено из-за границы средств в иностранной и российской валюте 103,3 млрд руб. Переведено денежных средств в иностранной и российской валюте на счета нерезидентов с использованием подложных документов на сумму 61,9 млрд руб. Размер незаконно перемещенных наличных денежных средств составил около 224,2 млн руб. Стоимость незаконно перемещенных через таможенную границу ЕАЭС алкогольной продукции и изделий составила 1млрд106,8 млн руб. До возбуждения уголовных дел и в ходе их расследования в федеральный бюджет перечислено 2 млрд.322 млн.руб. Из незаконного оборота изъято 2744 кг наркотических средств 522 кг психотропных и сильнодействующих веществ.

Состояние правоприменительной практики и ее результаты свидетельствуют об эффективности направления совершенствования законодательства, построенного с учетом возможностей реализации таможенного контроля и иных видов государственного контроля таможенными органами. Осуществление валютного контроля таможенными органами обеспечивает положительную динамику выявления преступлений, предусмотренных ст. 193,193.1, 174.1 УК РФ. Материалы проверки документов и сведений до выпуска товаров, а также таможенный контроль после выпуска товаров эффективны в качестве оснований для возбуждения уголовных дел о незаконном образовании юридического лица и использовании при этом поддельных документов. Важно отметить существенный рост выявляемых преступлений, связанных с контрабандой (ст. 226.1, 200.2 УК РФ). Своеобразна динамика контрабанды наркотических и психотропных веществ. Преступлений выявляется меньше, однако наблюдается рост количества изымаемых наркотиков и психотропных веществ. Статьей 229.1 УК РФ предусмотрены более строгие санкции, чем ст. 226.1 УК РФ, что вполне объяснимо угрозой контрабанды наркотиков для национальной безопасности. Анализ правоприменительной практики в сфере трансграничного перемещения наркотических средств и

психотропных веществ свидетельствует о снижении на треть выявленных преступлений, связанных с трафиком наркотиков, в период введения ограничений, вызванных пандемией, в частности закрытием границ России с другими государствами. Вместе с тем совершенствуются бесконтактные методы доставки и реализации наркотических средств и психотропных веществ, исключая личный контакт продавца, посредника и покупателя. Эти методы связаны с использованием коммуникационных сетей. Разработка способов противодействия подобного рода преступлениям, их выявление и пресечение – одно из направлений совершенствования таможенного контроля. На уровне федерального законодательства эффективной мерой могла бы стать разработка законопроекта об уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств и психотропных веществ с использованием сетевых и иных средств массовой информации. С учетом неизбежного смягчения пограничного режима, легализации наркотиков в ряде европейских стран, в том числе имеющих общие границы с Российской Федерацией, совершенствованию подлежат и иные формы таможенного контроля, а также меры по обеспечению таможенного контроля в отношении наркотических средств и психотропных веществ.

Достаточно эффективно применяется ст. 194 УК РФ, что связано со значительным ростом фактов уклонения от уплаты таможенных платежей в крупных и особо крупных размерах. Практически отсутствуют уголовные дела о невозвращении на территорию России культурных ценностей. Это свидетельствует об эффективности экспертизы культурных ценностей. Данный вид экспертизы, осуществляемый экспертами Министерства культуры России, обладающими особым статусом, является обязательной мерой обеспечения таможенного контроля. Экспертизе подлежат культурные ценности в ходе таможенного контроля при их временном вывозе и при обратном ввозе, что минимизирует риски ввоза поддельных предметов вместо ранее вывезенных культурных ценностей. Незначительный рост выявленных преступлений о незаконном экспорте товаров и технологий двойного назначения может свидетельствовать об эффективности применения проверок таможенными органами документов и сведений, содержащихся в лицензиях Федеральной службы по техническому сотрудничеству и экспортному контролю (ФСТЭК) РФ, представляемых декларантом при помещении товаров под таможенную процедуру экспорта.

Совершенствование таможенного контроля, связанное с повышением его эффективности, выявлением и пресечением правонарушений в таможенной сфере, должно осуществляться во взаимодействии с органами налогового, валютного, экспортного

контроля. Формы таможенного контроля и меры его обеспечения подлежат корректировке в связи с возрастающей ролью бесконтактной торговли с использованием сетевых коммуникаций и криптовалюты во взаиморасчетах. Формы фактического контроля, способы идентификации товаров и транспортных средств должны развиваться с учетом внедрения новых технологий, уточнения профилей риска и дальнейшего роста влияния на осуществление таможенного контроля системы управления рисками. Важным направлением совершенствования таможенного контроля является таможенный контроль после выпуска товаров в отношении объектов, перечень которых расширен новейшим таможенным законодательством [1].

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020 г., с изм. от 16.10.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020 г.).
4. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
6. Ведомственная статистическая отчетность ФТС РФ. Официальный сайт ФТС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravoohranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/254829> (дата обращения: 15.11.2020).

Об авторе:

ВОБЛИКОВ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь ул. Желябова,33); SPIN-код: 7021-8090; e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

DIRECTIONS FOR IMPROVING CUSTOMS CONTROL

A.B. Voblikov

Tver State University

Discusses current problems of customs control. The article analyzes the norms of customs legislation, law enforcement practice of customs authorities, and practice in cases of violations in the field of customs.

Keywords: *customs legislation, customs control, improvement of customs control, offenses in the field of customs Affairs.*

About author:

VOBLIKOV Andrey – candidate of philosophy, associate Professor, Department of constitutional, administrative and customs law, Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100); SPIN-code: 7021-8090; e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

Вобликов А.Б. Направления совершенствования таможенного контроля // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 30 – 36.

УДК 341.9

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г.Тверь

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.037

В статье исследуются институты международного гражданского процесса. Определение правового положения иностранных лиц в российском гражданском процессе, установление подсудности по делам, осложненным иностранным элементом, проблемы исполнения судебных поручений иностранных судов и признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, решения арбитражей – вопросы, которые не перестают быть актуальными в настоящее время.

Ключевые слова: *национальный режим, международная подсудность, исполнение судебных поручений иностранных судов, признание и исполнение иностранных судебных решений.*

При исследовании проблем производства по делам, осложненным иностранным элементом, необходимо уяснение содержания ряда институтов. Как правило, наибольшую актуальность приобретают вопросы, связанные с установлением юридического статуса иностранных лиц в российском гражданском и арбитражном процессах, с определением подсудности трансграничных споров, определением порядка исполнения судебных поручений судов и порядка признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений и решений арбитражей. Дадим характеристику некоторым институтам международного гражданского процесса.

Иностранные физические лица имеют право подавать обращения в суды Российской Федерации для защиты своих нарушенных прав, свобод и охраняемых законом интересов. Наряду с резидентами РФ иностранцы осуществляют процессуальные права и несут соответствующие процессуальные обязанности. Предоставление иностранцам национального режима свойственно как для российского гражданского, так и арбитражного процессов.

Гражданская процессуальная правосубъектность в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РФ (далее – ГПК РФ) и Арбитражным процессуальным кодексом РФ определяется личным законом иностранных лиц [1]. Личный закон иностранного гражданина определяется по гражданству. В случае, если гражданин наряду с гражданством РФ имеет и иностранное гражданство, то его личным законом считается российское право. Ситуация иностранного гражданина улучшается тогда, когда лицо, не являющееся на основе

личного закона процессуально дееспособным, признается дееспособным на территории РФ, если оно в соответствии с российским правом обладает процессуальной дееспособностью.

Признаком места учреждения определяется личный закон иностранного юридического лица (ст. 400 ГПК РФ). Иностранная организация, не обладающая в соответствии с личным законом процессуальной правоспособностью, может быть на территории Российской Федерации признана правоспособной в соответствии с российским правом.

Относительно процессуальной правоспособности международной организации: она устанавливается на базе международного договора о создании организации, а не на основе норм национального права, а также, как отмечается в ст. 400 ГПК РФ, учредительных документов или соглашения с компетентными органами РФ. Интересно, что международные организации обладают соответствующими привилегиями и иммунитетами, однако вступление в частно-правовые отношения влечет отказ от иммунитета. Несомненно, объем привилегий международных организаций не одинаков. К примеру, максимальным объемом привилегий обладает Организация Объединенных Наций.

Государство, участвуя в гражданско-процессуальных отношениях, обладает различными видами иммунитета. Различают судебный иммунитет, иммунитет от обеспечительных мер, иммунитет от принудительного исполнения судебных постановлений.

Одним из наиболее сложных вопросов международного гражданского процесса является вопрос об определении подсудности дел с участием иностранных лиц. Существует несколько оптимальных способов определения международной подсудности. По признаку гражданства, по признаку «фактического присутствия» ответчика, по признаку места жительства – это самые распространенные системы. Российские суды рассматривают дела, преимущественно руководствуясь правилами территориальной подсудности. Специфика определения подсудности устанавливается международными договорами.

Еще один институт производства по делам, осложненным иностранным элементом, это институт судебных поручений. Наряду с обычным производством, в международном гражданском процессе суд сталкивается с необходимостью проведения за границей ряда процессуальных действий, как-то: судебный осмотр, допрос свидетелей, экспертиза. Сложным является и вопрос о выборе права, подлежащего применению [2, с. 370].

Одним из видов правовой помощи по гражданским делам является признание и исполнение в РФ решений иностранных судов и

иностранных арбитражных решений. В Российской Федерации признаются и предъявляются к принудительному исполнению решения иностранных судов только тех государств, с которыми у РФ существует соответствующий международный договор. Концепция международной взаимности в этом вопросе не получила распространения в России.

Под признанием решений судов иностранного государства принято понимать согласие с тем, что акт иностранного суда способен вызвать юридические последствия в пределах юрисдикции государства признания. А приведение в исполнение рассматривается как «запуск» в действие государственного механизма по обеспечению исполнения иностранного решения [3, с. 91].

Вышеуказанными институтами, конечно же, не исчерпывается содержание международного гражданского процесса. Необходимо дальнейшее изучения таких вопросов, как установление содержания иностранного права, доказательства в международном гражданском процессе, международное нотариальное право, трансграничное банкротство и др. [4].

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.11.2020).

2. Крусс И.А. Стратегическая состоятельность эволюции международного гражданского процесса в Российской Федерации // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 369 – 371.

3. Крусс И.А. Проблематика признания и приведения в исполнение решений иностранных судов российскими арбитражными судами // Материалы факультетских научных чтений им. Профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». Тверь, 2020. 162 с. С. 91.

4. Международный гражданский процесс : учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова, А. С. Касаткина, М. А. Филатова ; под общ. ред. И. В. Гетьман-Павловой. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. URL: <https://urait.ru/bcode/449307/> (дата обращения: 14.11.2020).

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582; SPIN-код: 1394-2400; e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

ON THE ISSUE OF INSTITUTIONS OF INTERNATIONAL CIVIL PROCEDURE

I.A. Kruss

Tver State University

The article examines the institutions of international civil procedure. Questions of the legal status of foreign persons in Russian civil proceedings, regarding the determination of jurisdiction in cases complicated by a foreign element, the procedure for executing court orders of foreign courts and the recognition and enforcement of foreign court decisions do not cease to be relevant.

Keywords: *national regime, international jurisdiction, execution of court orders of foreign courts, recognition and enforcement of foreign court decisions.*

About author:

KRUSS Irina – PhD, associate Professor of the Department of judicial power and law enforcement OF the Tver State University (33 Zhelyabova str., 170100, Tver), ORCID: 0000-0002-0261-9582; SPIN-code: 1394-2400; e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. К вопросу об институтах международного гражданского процесса // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 37 – 40.

УДК 343.83

ДИАГНОСТИКА И ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

О.К. Хотькина

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.041

В статье изучены возможные области применения диагностики служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы в качестве профилактики их коррупционного поведения, особенности и проблемные моменты диагностики сотрудников системы, исполнения наказаний, а так же выделены основные компоненты диагностирования. Результатом исследования явилось определение сфер целесообразности применения диагностики служебной деятельности при профилактике коррупционного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: профилактика, диагностика, служебная деятельность, коррупционное поведение, сотрудник уголовно-исполнительной системы.

Коррупция на протяжении многих веков является негативным явлением в жизни нашего общества и государства. Огромную роль борьба с коррупцией имеет для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, поскольку коррупционная деятельность подрывает нормальный механизм функционирования пенитенциарной системы. Профилактика коррупционного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы является важнейшим фактором укрепления режима законности, препятствует разложению служебных отношений, стабилизирует выполнение целей и задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой.

Целью настоящей работы является привлечение внимания научного сообщества к значимости диагностики служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) для профилактики коррупционных проявлений.

Проведенное исследование, посвященное проблемам противодействия коррупционной преступности в системе исполнения уголовных наказаний, позволило сформулировать ряд основных выводов как теоретического, так и прикладного характера.

Объектом исследования выступили общественные отношения по поводу диагностики служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и сфер ее применения.

Наиболее обоснованным представляется рассматривать в этом аспекте профилактику коррупционной служебной деятельности, проистекающую из специфического статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы. Сами органы и учреждения, исполняющие уголовные наказания, в которых осуществляют свою деятельность сотрудники, не могут выступать как самостоятельные объекты профилактики коррупции, т. к. являются лишь частью государственной системы. При этом государство силами и средствами своих органов призвано достигать общественно-значимые цели, защищать общественные интересы и реализовывать антикоррупционную политику [3, с. 12].

Все это делает необходимым разработку теоретических основ диагностики и профилактики коррупционного поведения сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Изучая коррупционное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы, мы полагаем рассматривать их служебное поведение как отношение служащего к обязательствам, неотъемлемо приобретаемым вместе с его служебным статусом. Совокупность указанных обязательств понимается в данном случае как служебный долг в объективном смысле данного понятия [1, с. 93].

Можно сказать, что именно на ответственное, добросовестное отношение сотрудника к исполнению служебного долга и направлена профилактика коррупционной служебной деятельности.

Анализируя направления профилактики коррупционной служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, можно сделать выводы о следующих возможных сферах применения их диагностики:

1) диагностика служебной деятельности сотрудника может послужить основанием для дальнейшего формирования и развития служебной психологической и воспитательной работы с личным составом, что может способствовать снижению коррупционных проявлений в деятельности, укреплению дисциплины, повышению эффективности деятельности подразделений УИС, а также формированию позитивного имиджа уголовно-исполнительной системы;

2) диагностика служебной деятельности может служить одним из средств отбора претендентов на руководящие должности, препятствовать продвижению на руководящие посты лиц, склонных к нарушениям законности, антикоррупционного законодательства, протекционизму, обладающих негативным отношением к целям и задачам Федеральной службы исполнения наказания России (далее – ФСИН России), пренебрегающих законными интересами граждан;

3) исследование индивидуальных особенностей служебной деятельности сотрудников также может послужить основой для работы по формированию и актуализации позитивных мотивов служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, их самореализации в профессиональной деятельности.

При определении структуры служебной деятельности, фактически, представляющей из себя отношение к служебному долгу, диагностированию подлежат такие ее компоненты как: 1) познавательный (знание о существовании, содержании, источниках, формах и условиях реализации служебных обязательств), 2) эмоциональный (отношение к служебному долгу в целом и отдельным обязательствам, связанным со службой), и 3) поведенческий (реализация отдельных обязательств в поведении) [4, с. 39].

Таким образом, своевременная диагностика и профилактика служебной деятельности и коррупционного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы могли бы служить как более эффективному решению в целом задач уголовно-исполнительной системы, так и профессионально-личному благополучию сотрудников.

Нельзя не сказать, о том, что диагностика служебной деятельности в той или иной степени применяется при работе с личным составом в уголовно-исполнительной системе. Так, имеются попытки применения при определении характеристики служебной деятельности или склонности к коррупционному поведению сотрудника уголовно-исполнительной системы обследований с помощью полиграфа, но в достаточно ограниченных случаях.

В целях проверки и уточнения фактов нарушения обязательств, связанных со служебным статусом и соблюдением антикоррупционного законодательства, могут быть использованы и поисковые тесты методики выявления скрываемой информации (МВСИ), но в комплексе с иными диагностиками и доказательствами и в исключительных ситуациях [1, с. 57].

Наше исследование позволяет нам заключить, что диагностику служебной деятельности наиболее целесообразно проводить в следующих случаях:

1) после завершения специального первоначального обучения сотрудника. Поступающие на службу кандидаты чаще всего не имеют даже представления обо всем объеме служебных обязательств, которые им придется принять на себя в связи с назначением на должность в УИС. В данном случае диагностика служебной деятельности является бессмысленной. То же самое можно отнести и к лицам, проходящим специальное первоначальное обучение. Однако, уже после прохождения специального первоначального обучения, приступая к выполнению служебных обязанностей по выполняемой должности, сотрудник уже

должен иметь представление обо всем объеме служебных обязательств, должен быть мотивирован к их исполнению, и выполнять, как минимум те из них, которые не требуют особых навыков, а также должен стремиться к овладению навыками, необходимыми для выполнения более сложных обязанностей. Таким образом, диагностика служебной деятельности является целесообразной уже на начальных этапах деятельности сотрудника УИС, после завершения его специального первоначального обучения.

В результате получения неудовлетворительных результатов в ходе обследования, целесообразно вести с сотрудниками индивидуальную просветительскую и иную воспитательную работу, направленную на формирование у него антикоррупционного служебного поведения.

Диагностика служебной деятельности сотрудника уже на первоначальном этапе службы, во многом определяющем дальнейшую служебную деятельность, поможет направить сотрудника по пути законности и эффективности в деятельности, уберечь от серьезных нарушений, возможно, даже от совершения коррупционных преступлений, сориентировать его в служебной деятельности и служебных отношениях.

Аналогичную диагностику и коррекцию целесообразно проводить перед назначением на должности сотрудников УИС, прибывших в территориальные органы для дальнейшего прохождения службы после завершения обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России.

2) При выдвижении сотрудников на руководящие должности; при зачислении сотрудников в резерв на выдвижение на руководящие должности и должности с высоким коррупционным риском.

Отношение к своему служебному долгу начальников подразделений является одним из значительных ситуационных факторов, влияющих на подобное отношение со стороны их подчиненных. Поэтому, также целесообразно, чтобы такая характеристика как служебная деятельность и склонность к коррупционным проявлениям, являющихся одними из основных профессионально-значимых качеств государственного служащего, качеств, неразрывно связанных с его служебным статусом, диагностировалась, прежде всего, у лиц, выдвигаемых на руководящие должности.

Кроме руководящих должностей, существует еще ряд должностей, для которых диагностика служебной деятельности и склонности к коррупционным правонарушениям является неотъемлемым требованием к занимающим их лицам, имеет приоритетное значение по отношению к другим их профессионально-важным качествам. В данном случае речь идет о должностях с так называемым повышенным

коррупционным риском. Занимая подобные должности, сотрудники УИС могут не просто выполнить свои обязанности на недостаточном уровне, подвергаться риску давления и шантажа, но и нанести целям и задачам ФСИН России серьезный ущерб.

Таким образом, диагностику служебной лояльности, наряду с другими профессионально-личностными качествами, следует проводить при зачислении сотрудников в резерв на выдвижение на руководящие должности и должности с высоким коррупционным риском.

3) Третьей ситуацией, в которой рекомендуется проводить исследования служебной деятельности сотрудников – ситуация обращения сотрудника за психологической консультацией по вопросам неудовлетворенности профессиональной деятельностью, консультацией по направлению руководителей сотрудника, в связи с участвовавшими нарушениями служебной дисциплины, неэтичным поведением в быту, снижением профессиональной эффективности.

Диагностические мероприятия желательно проводить в объеме, необходимом для решения конкретной задачи.

Таким образом, диагностика и профилактика коррупционного поведения представляет собой своевременное реагирование на возможные сферы проявления нарушений служебных обязанностей и законности в деятельности сотрудников УИС. Коррупция не должна становиться привычным явлением в служебной повседневной деятельности сотрудника.

Следовательно, следует предпринимать активные действия по своевременной профилактике деяний коррупционной направленности сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые помогут искоренить корыстную мотивацию служебной деятельности сотрудников, а также исключить должностные коррупционные возможности в отношении подчиненных и тем более в отношении осужденных.

Список литературы

1. Везломцев В.Е., Хотькина О.К. Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе России: личностный аспект: учеб. пособие М.: Проспект, 2017.

2. Горбач Д.В. К вопросу о безопасности в учреждениях УИС России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 79 – 87.

3. Личность осужденного: монография / под ред. Ю.М. Антоняна, М.: Юрлитинформ, 2017. 288 с.

4. Хотькина О.К. Отличительные особенности коррупционных проявлений в уголовно-исполнительной системе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 37 – 41.

Об авторе:

ХОТЬКИНА Ольга Константиновна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Россия, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1), SPIN-код: 6965-4070; e-mail: O_Khotkina@mail.ru

DIAGNOSTICS AND PREVENTION OF CORRUPTION BEHAVIOR OF EMPLOYEES OF THE PENAL CORRECTION SYSTEM

O.K. Khotkina

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia

The article explores the possible areas of application for the diagnostics of the performance of employees of the penitentiary system as a prevention of their corrupt behavior. The author has studied the features and problematic aspects of the diagnosis of system employees, the execution of sentences, as well as highlighted the main components of the diagnosis. The result of the study was the identification of areas of appropriateness of the use of performance diagnostics in the prevention of corrupt behavior of employees of the penal correctional system.

Keywords: *prevention, diagnosis, performance management, corrupt behavior, penal system officer.*

About author:

KHOTKINA Olga – PhD in Law, the senior teacher of department of criminology and crime prevention organization The Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (Russia, 390000, Ryazan, Sennaya st., 1), SPIN-code: 6965-4070; e-mail: O_Khotkina@mail.ru

Хотькина О.К. Диагностика и профилактика коррупционного поведения сотрудника уголовно-исполнительной системы // Вестник ТвГУ. Серия:Право. 2020. № 4 (64). С. 41 – 46.

УДК 336.22

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРАВОМ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.047

Статья посвящена проблемам публично-властных злоупотреблений в сфере налогообложения.

Ключевые слова: злоупотребление правом, публично-властные злоупотребления в сфере налогообложения, добросовестность налогоплательщика, баланс публичных и частных интересов.

Проблема злоупотребления правом в сфере налогообложения традиционно связывается с концепцией недобросовестности налогоплательщика, что приводит к многочисленным научным исследованиям в данной сфере, а также находит отражение в действующем законодательстве (ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, далее – НК РФ) [4] и судебной практике [11].

Отправной точкой для формирования правовых и научных позиций является закрепленная Конституцией Российской Федерации обязанность каждого платить законно установленные налоги (ст. 57 Конституции РФ) [1].

Субъектом злоупотребления правом в данном виде неконституционного правопользования чаще всего выступает недобросовестный налогоплательщик, чьи характеризующие признаки обозначены в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных, например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 г. № 24-П [6], Определении Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 г. № 138-О [7], Определении Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 г. № 1440-О [8] и ряде других.

По мнению Ю.А. Крохиной, проблема определения границ дозволенного поведения налогоплательщика, его добросовестности в вопросах налоговой минимизации является одной из самых актуальных в современной науке финансового права, налогового законодательства России и зарубежных стран [12, с. 235].

При этом безусловно верным является утверждение о повышенной общественной опасности злоупотребления правами в контексте невыполнения конституционной обязанности платить законно установленные налоги, а также то, что «от успешного публично-

властного противодействия таким практикам зависит в конечном счете общенародное благополучие» [13, с. 125].

Вместе с тем не меньшей актуальностью обладает иная проблема, а именно каким образом публично-властные злоупотребления проявляются в сфере налогообложения.

Поскольку названная категория не является достаточно разработанной, опираясь на теорию злоупотребления правом, предложим ее основные концептуальные характеристики.

Если выделять признаки понятия злоупотребления правом такого, полагаем возможным присоединиться к мнению В.И. Крусса [13, с. 43 – 54] и указать в качестве названных следующие:

1. Наличие у лица соответствующего субъективного права/субъективной обязанности или публичного правомочия, формально надлежаще реализуемого/исполняемого субъектом.

2. Объективная сторона злоупотребления правом характеризуется деятельным актом одностороннего характера.

3. Субъективная сторона злоупотребления правом характеризуется признаком недобросовестности, являющейся основным мотивом действий и требований субъекта, злоупотребляющего правом.

4. Злоупотребление правом сопровождается наличием вреда, причиняемого формально дозволенным поведением злоупотребляющего правом лица свободам, правам и охраняемым законом интересам других лиц.

5. Результатом злоупотребления правом выступает правовая несправедливость, а зачастую и невозможность лица, пострадавшего от злоупотребления правом, противостоять такому результату.

Что касается категории публично-властных злоупотреблений как одного из типов неконституционного поведения, она, по мнению В.И. Крусса, представляет собой «ненадлежащее (неконституционное) осуществление публично-властных полномочий, прямо или косвенно сопряженное с неконституционным опосредованием прав, свобод и обязанностей человека и гражданина» [13, с. 84].

В целях выделения признаков публично-властного злоупотребления применительно к сфере налогообложения проанализируем две спорные ситуации, ставшие предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) в июле 2020 г.

Первая из них связана с необоснованным привлечением к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3] М.А. Литвинова, в связи с чем последний обратился в КС РФ с жалобой о несоответствии указанной уголовно-правовой нормы ст. 18 и ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации [1], поскольку данная норма «позволяет

привлекать налогоплательщика к уголовной ответственности без опровержения презумпции добросовестности его действий и без установления признаков совершения им обмана, возлагая на него уголовное наказание за ошибочные решения налоговых органов о предоставлении ему налогового вычета» [10].

Налоговый вычет представляет собою один из видов налоговых льгот, право на использование которых в порядке и на условиях, установленных законом, закрепляется за налогоплательщиками подп. 3 п. 3 ст. 21 НК РФ [4].

Одним из принципов налогового планирования, направленного на минимизацию налогового обязательства, является установленная законодательством о налогах и сборах обязанность налогоплательщика подтвердить свое право на льготы. При надлежащем исполнении данной обязанности вопрос о предоставлении налоговой льготы решается налоговым органом путем реализации контрольных полномочий, закрепленных ст. 31, 32, 88 НК РФ [4].

Таким образом, надлежащее исполнение конституционной обязанности по уплате налога в ряде ситуаций зависит не только от правомерности и добросовестности действий налогоплательщика, но и во многом от правомерности и добросовестности действий властного субъекта правоотношения, в данном случае – налогового органа.

Кроме того, КС РФ обратил внимание на произвольное применение ст.159 УК РФ [3] органами следствия и суда, что в данной ситуации привело к нарушению принципов законности, вины и справедливости, установленных уголовным законодательством.

Соответственно, не только ненадлежащая (недобросовестная) реализация права либо ненадлежащее (недобросовестное) исполнение налогоплательщиком налоговой обязанности могут привести к злоупотреблениям в сфере налогообложения, но и ненадлежащая (недобросовестная) реализация публичных правомочий уполномоченными государственными органами.

Давая конституционно-правовую оценку спорной ситуации, КС РФ прямо указал: «Не только налогоплательщики, но и налоговые органы могут ошибочно оценить наличие у налогоплательщика права на соответствующий налоговый вычет. Такое ошибочное разрешение налоговым органом вопроса об этом праве, основанное в том числе на выборе одного из нескольких вариантов толкования норм налогового законодательства, само по себе не говорит об обмане должностных лиц налогового органа или о злоупотреблении доверием при обращении к ним за разрешением данного вопроса, притом что налогоплательщик представил в налоговый орган документы, не содержащие признаков подделки или подлога, либо не совершил других намеренных действий, специально направленных на создание условий для принятия

должностными лицами неверного решения. Неоднократность обращений при указанных обстоятельствах также не свидетельствует как таковая ни об обмане должностных лиц налогового органа, ни о злоупотреблении их доверием» [10].

Вторая спорная ситуация, ставшая предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, связана с жалобой гражданина И.С. Машукова, оспаривающего как несоответствующие Конституции РФ [1] ряд статей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], НК РФ [4] и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации РФ (далее – ГПК РФ) [5], «поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они допускают взыскание с налогоплательщика далее – физического лица по иску прокурора денежных средств в счет возмещения вреда, причиненного публично-правовому образованию в виде недоимки по налогу, списанной в установленном законом порядке, в отсутствие уголовного преследования и таких действий самого физического лица, которые повлекли бы невозможность ее взыскания в предусмотренном налоговым законодательством порядке» [9].

При этом КС РФ, подчеркнув незыблемость соблюдения принципа поддержания доверия к закону и действиям государства, отдельно указал на необходимость при разрешении споров по искам публично-правовых образований оценивания действий (бездействия) уполномоченных органов, вступающих в правоотношение от имени и в интересах публично-правовых образований. Отсутствие публично-властных злоупотреблений со стороны уполномоченных органов предполагает, по мнению КС РФ, не только надлежащее выполнение ими своих обязанностей, но и отсутствие ошибок, проявление разумности и осмотрительности с их стороны в реализации властных полномочий.

Концептуальной значимостью обладает следующий вывод КС РФ: «Конституционная обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы и обязанность налоговых органов обеспечить их взимание между собою связаны, но друг друга не заменяют. Соответственно, и правовые последствия неисполнения обоих видов долженствования не могут быть одинаковыми для непосредственно обязанных по ним субъектов, в том числе в отношении возмещения вреда, причиненного их ненадлежащим исполнением. Следовательно, и причинение вреда, выраженного в исчерпании (утрате) бюджетом своих фискальных прав, поскольку и если это прямо связано с ненадлежащим исполнением соответствующими органами их обязанностей по взысканию недоимки, не должно быть вменено иным субъектам, включая налогоплательщиков, имея в виду прямую причину в наступлении такого вреда» [9].

Таким образом, с учетом конституционно-обоснованных позиций, официально выраженных Конституционным Судом Российской Федерации, представляется возможным определить следующие признаки публично-властных злоупотреблений правом в сфере налогообложения:

1. Комплексный характер негативных последствий публично-властных злоупотреблений в сфере налогообложения, вытекающий из сочетающегося в налоговой сфере публично-правового и частного правового регулирования, а также межотраслевого взаимодействия налогового, гражданского и иных, в том числе, процессуальных отраслей права.

2. Субъектами публично-властного злоупотребления в первую очередь выступают налоговые органы, что вместе с тем не исключает злоупотреблений правом со стороны иных субъектов, опосредованно влияющих на администрирование взимания налога: финансовых органов, органов следствия, прокуратуры и суда.

3. Публично-властное злоупотребление проявляется в формальной, неконституционной реализации властными субъектами своих правомочий.

4. Негативным результатом публично-властного злоупотребления является фактическое противодействие властного субъекта соблюдению баланса публичных и частных интересов в сфере налогообложения либо необеспечение внимательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение, прекращение прав и обязанностей налогообязанных субъектов, либо ненадлежащее обеспечение интересов публично-правовых образований.

Полагаем, что выявление сущности данного неконституционного явления есть первый шаг на пути к противодействию публично-властным злоупотреблениям правом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2020).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г., с изм. от 28.04.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2020).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2020).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 20.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2020).

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2020).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2020).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 г. № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2020).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 г. № 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247 – 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2020).

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2020).

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2020).

11. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2020).

12. Актуальные проблемы финансового права: учебник / под ред.: А.Д. Селюкова, И.А. Цинделиани. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. 482 с.

13. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: Норма, 2010. 175 с.

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3112-3112; SPIN-код: 6648-9867; e-mail: privattv@mail.ru

**ON THE ESSENCE OF PUBLIC-POWER ABUSES OF LAW
IN THE FIELD OF TAXATION**

O.I. Yustus

Tver State University

The article is devoted to the problems of public-power abuses in the field of taxation.

Keywords: *abuse of law, public-power abuses in the field of taxation, tax consciousness of a tax payer, balance of public and private interests.*

About the author:

YUSTUS Olga – PhD, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), ORCID: 0000-0002-3112-3112; SPIN-code: 6648-9867; e-mail: privattv@mail.ru

Юстус О.И. К вопросу о сущности публично-властных злоупотреблений правом в сфере налогообложения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 47 – 53.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 347.918

К ВОПРОСУ О РАЗРЕШЕНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ ТРЕТЕЙСКИМИ СУДАМИ

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.054

В статье исследуется возможность рассмотрения трудовых споров третейскими судами, обосновывается необходимость расширения компетенции арбитража, а также внесения соответствующих изменений в законодательство РФ.

***Ключевые слова:** третейский суд, индивидуальные и коллективные трудовые споры, спортивный арбитраж, альтернативные способы защиты прав.*

Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. К числу общепризнанных способов в современном мире наряду с обращением в суд общей юрисдикции и арбитражный суд относится и разрешение споров в третейских судах. Вместе с тем не все категории споров могут быть переданы на разрешение третейских судов. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [4] третейские суды разрешают споры, вытекающие из гражданских правоотношений. Кроме того, с учетом последних изменений процессуального законодательства и АПК РФ [1], и ГПК РФ [2] содержат статьи, определяющие категории споров, как подлежащие передаче на рассмотрение третейского суда, так и изъятые из его компетенции. На современном этапе правового регулирования трудовые споры подсудны только судам общей юрисдикции. Однако так было не всегда. В том или ином виде специализированные трудовые суды известны отечественному законодательству. В частности, и в дореволюционной России были разработаны проекты о создании специальных (промышленных) судов по рассмотрению трудовых споров [8, с. 34], и в советское время в определенный период существовали трудовые сессии (трудовые камеры) районных судов [8, с. 35], порядок создания и деятельность которых свидетельствуют о договорных началах, применимых при разрешении трудовых споров. Проникновение примирительных процедур в механизм разрешения

трудовых споров налицо и в действующем сегодня ТК РФ [3]. В зависимости от вида трудового спора законодатель предоставляет работнику возможность использования альтернативных способов защиты. В частности, для индивидуальных трудовых споров – комиссии по трудовым спорам (далее – КТС), а для коллективных трудовых споров – трудовой арбитраж. Наличие различных по своей правовой природе юрисдикционных органов по защите трудовых прав свидетельствует о стремлении не только урегулировать трудовой конфликт, но и сохранить «нормальные производственные» отношения между работником и работодателем. Отдельно стоит отметить предусмотренную законодательством процедуру медиации, которая может быть использована для разрешения споров, возникающих из трудовых правоотношений [6]. Медиация в мировой практике классически рассматривается как один из альтернативных способов урегулирования споров наряду с омбудсменом, мини-судами, независимой экспертизой, переговорами и третейским судом. В связи с чем представляется нелогичной и непоследовательной позиция отечественного законодателя, допустившего деятельность посредника (медиатора), но не третейского судьи, суть и правовая природа которых единообразны.

Трудовые правоотношения, существующие между работником и работодателем, достаточно противоречивы: в их рамках можно обнаружить как взаимные интересы сторон, так и противоречие этих интересов, как производственные, так и социальные их аспекты [9, с. 20]. С одной стороны, работодатель заинтересован в надлежащем труде работника, сохранении его длительной работоспособности, повышении его квалификации и т. п. С другой стороны, как хозяйствующий субъект, работодатель в целях увеличения прибыли стремится минимизировать имущественные затраты на производство, в том числе и на рабочую силу. Как следствие, работники и их интересы могут вступать в разрез с политикой, проводимой работодателем, что и лежит в основе трудовых конфликтов. Способность человека к труду может быть предметом не только трудовых, но и гражданских правоотношений в рамках различных договорных конструкций (договор подряда/договор возмездного оказания услуг). Однако большинство граждан «продают» свой труд в качестве наемных работников, что напрямую сказывается на природе возникающих отношений и методах их регулирования. Находясь в подчиненном положении, работник ограничен как в выборе способов защиты своих прав, так и их непосредственном применении. Обращение в государственный суд представляет собой исключительную меру защиты трудовых прав, использование которой обусловлено невозможностью восстановления этих прав иным способом. Вместе с тем если обратиться к практике

деятельности альтернативных юрисдикционных органов, то налицо их непродуктивность. В частности, предусмотренные сегодня законодательством комиссии по трудовым спорам существуют далеко не во всех организациях. Кроме того, создаваемая на паритетных началах КТС состоит из представителей работников и работодателя, которые являются наемными работниками участника спора, что не может свидетельствовать об их независимости и беспристрастности. Отсутствие каких-либо требований к образовательному или профессиональному уровню членов КТС также снижает доверие к принимаемому ими решению. Указанные недостатки отсутствуют при разрешении спора в третейском суде, когда в принятии решения участвуют квалифицированные специалисты, независимые от участников конфликта. Возвращаясь к медиации и определяя ее потенциал в сравнении с третейским разбирательством, необходимо отметить, что как достижение, так и исполнение медиативного соглашения возможно при добровольном волеизъявлении участников спора, в то время как решение третейского суда может быть исполнено принудительно. Исполнимость окончательного акта напрямую сказывается как на результативности способа разрешения спора, так и целесообразности его применения.

Как уже было отмечено ранее, трудовой арбитраж как специализированный орган применим для разрешения коллективных трудовых споров и не считается чем-то чуждым или несовместимым с трудовыми отношениями. Федеральные и региональные органы исполнительной власти в сфере труда оказывают услуги работодателям и работникам по разрешению коллективных трудовых споров, в том числе в трудовом арбитраже. Однако практика разрешения коллективных трудовых споров в трудовых арбитражах сегодня практически отсутствует.

Стоит отметить, что для отдельных категорий трудовых споров третейский суд все-таки допустим. Речь идет о спорах, возникающих в профессиональном спорте и спорте высших достижений, включая индивидуальные трудовые споры [5]. В данном случае отечественный законодатель учел мировую практику, поскольку третейская форма защиты прав и законных интересов спортсменов является общепринятой и предусмотрена в большинстве заявок на участие в соревнованиях, организаторами которых выступают спортивные федерации [7, с. 90]. В РФ в 2019 г. был создан Национальный Центр Спортивного Арбитража (НЦСА) при автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата», представляющий собой специализированный арбитраж, компетентный рассматривать и индивидуальные трудовые споры спортсменов.

Таким образом, потенциал третейской формы защиты прав в области трудовых отношений недооценен. Арбитраж может и должен составить достойную конкуренцию существующим сегодня юрисдикционным органам. Вследствие чего представляется необходимым расширить компетенцию третейского суда и внести соответствующие изменения в законодательные акты, определив подсудность трудовых споров, в том числе и третейским судам.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
4. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
5. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
6. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).
7. Костикова Г.В. Третейская форма защиты прав и законных интересов спортсменов // Центральный науч. вестн. 2019. Т. 4, № 2S (67). С. 90 – 91.
8. Сыченко Е.В., Немышева Е.И. Судебная защита индивидуальных трудовых прав специализированными судебными органами // Журн. правовых и экономических исследований. 2012. № 3. С. 34 –37.
9. Трудовое право России: учебник / под ред. А.М. Куренного. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 624 с.

Об авторе:

АЛЕШУКИНА Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294; SPIN-код: 1998-4330; e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

ON THE QUESTION OF RESOLUTION OF LABOR DISPUTES BY ARBITRATION COURTS

S.A. Aleshukina

Tver State University

The article examines the possibility of considering labor disputes by arbitration courts, justifies the need to expand the competence of arbitration, as well as introduce advising amendments to the legislation of the Russian Federation.

Keywords: *arbitration, individual and collective labor disputes, sports arbitration, alternative ways of protecting rights.*

About author:

ALESHUKINA Svetlana – PhD, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294; SPIN-code: 1998-4330; e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

Алешукина С.А. К вопросу о разрешении трудовых споров третейскими судами // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 54 – 58.

УДК 351.74

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ: ГНОСЕОЛОГИЯ ВИНОВНОСТИ И НАКАЗУЕМОСТИ

А.А. Беженцев

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних
дел Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.059

Автором исследуется гносеология форм вины в зависимости от степени общественной опасности, делается вывод о том, что признание административным законодательством виновности свойством всех административных правонарушений имеет исключительно важный смысл, так как способствует точному соблюдению принципов социальной справедливости, дальнейшему укреплению законности в стране и отвечает не только требованиям последующего развития административного права, но и нуждам правоприменительной практики административно-юрисдикционной деятельности. Одним из обязательных юридических признаков понятия административного правонарушения является и наказуемость деяния, так как в действующем КоАП РФ применяется как термин «наказание», так и «взыскание». Автор разграничивает данные понятия, делает вывод о том, что наказуемость является одним из необходимых признаков понятия административного проступка, поскольку без административного правонарушения не возможно наказание, точно так же как без причины нет следствия.

Ключевые слова: административное правонарушение, вина, формы вины, административное наказание, неотвратимость наказания, административное взыскание, гносеология виновности, гносеология наказуемости.

Противоправность административного деликта находится в монолитной связи с виновностью субъекта в его совершении. И если административная противоправность характеризует деяния относительно его юридической формы, то есть внешнего выражения, то виновность охарактеризовывает его внутреннюю, субъективную сторону, показывает отношение к проступку лица, которое этот деликт совершило, то есть непосредственно нарушителя права.

В целом вопросам гносеологии правовых явления посвящены труды многих современных ученых-правоведов, таких как: В.Н. Жуков [3, с. 352], С.И. Захарцев, В.П. Сальников [4, с. 45 – 55], Е.А. Шапиро [9, с. 51 – 72], однако нынешним проблемам административно-правовой гносеологии в целом, и требующим на сегодня разрешения вопросам гносеологии виновности и наказуемости при совершении

административного правонарушения и привлечения к административной ответственности, учеными уделяется недостаточное внимание, что подчеркивает актуальность исследуемой темы.

Вина, как обязательный гносеологический признак административного проступка, впервые нормативно закрепляется Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (приняты Верховным Советом СССР 23.10.1980 № 3145-Х (ред. от 28.07.1988) в разделе II «Административное правонарушение и административная ответственность» в ст. 7 «Понятие административного правонарушения» при определении понятия административного правонарушения (проступка). При этом было подчеркнуто, что есть две формы вины, при наличии которых деяние может признаваться административным проступком: а) вина в форме умысла; б) вина в форме неосторожности.

Действующий Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) сохраняет среди признаков административного деликта (ст. 2.2. «Формы вины») виновность и детализирует в ч. 1 и 2 сущность административного правонарушения, совершенного умышленно и по неосторожности.

Этим законодатель обращает внимание на то, что всякое действие/бездействие, в том числе и административный деликт, находится под контролем сознания субъекта, его совершившего. Согласно ч. 1 ст. 2.2. «Формы вины» КоАП РФ, административный проступок квалифицируется совершенным умышленно, если субъект, его совершивший, сознавал противоправный характер своего действия/бездействия, предвидел его вредные последствия и желал или сознательно допускал наступление данного отрицательного результата.

При формулировке определения умышленной вины законодатель акцентирует внимание на том, что субъект проступка: а) осознает противоправный характер своего действия; б) предусматривает его вредные последствия; в) желает или сознательно допускает наступление именно таких последствий. Учитывая указанное, законодатель указывает (прямо или косвенно) на умышленную форму вины как признак ряда деяний, образующих конкретные составы административных правонарушений. Это, например, умышленное уничтожение или повреждение агитационного материала либо информационного материала, относящегося к выборам, референдуму (5.14 КоАП РФ), умышленное сокрытие источника заражения венерической болезнью (ст. 6.1 КоАП РФ), умышленное сокрытие авиационного происшествия или инцидента (ст. 11.30 КоАП РФ).

Однако в большинстве случаев вывод о форме вины можно сделать лишь на основе анализа всех признаков, приведенных в

соответствующей статье особенной части КоАП РФ. О преднамеренной вине может свидетельствовать, в частности, характер проступка, например, ряд самовольных административных правонарушений в области охраны собственности из гл. 7 КоАП РФ (ст. 7.1, 7.4, 7.5, 7.6, 7.9).

В составах административных проступков, которые могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности (например, выпуск на линию транспортных средств без технического средства контроля (ст. 11.23 КоАП РФ), наличие умышленной вины может служить основанием для наложения на виновного более строгого взыскания.

В зависимости от типичных черт волевого момента выделяют прямой умысел, когда лицо хочет наступления деструктивных результатов, и косвенный, когда субъект только осознанно допускает возможность их появления. Причем как предвидением, так и желанием или допущением обязаны охватываться все те результаты, которые уместаются в состав определенного деликта, за совершение которого субъект привлекается к административной ответственности.

Административный проступок признается совершенным по неосторожности, если субъект, его совершивший, предвидел вероятность наступления вредных результатов своего действия/бездействия, но легкомысленно надеялся на их предупреждение либо не предвидел реальность наступления данных последствий, хотя должен был и мог их предугадывать.

Наличие в деянии этой формы вины указывает на меньшую степень его общественной опасности, благодаря чему: а) имеет принципиальное значение для его квалификации (как преступления или административного проступка); б) может служить основанием для наложения менее строгого взыскания в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей КоАП РФ.

Неосторожная вина существует в виде а) самоуверенности (самонадеянности), когда субъект административного деликта предугадывал вероятность прихода вредных результатов своего действия/бездействия, но легкомысленно рассчитывал на их предупреждение; б) небрежности, когда субъект административного деликта не предусматривал вероятность наступления вредных последствий, хотя должен был и мог их предвидеть.

Итак, в процессе формулирования понятия вины, как обязательного признака административного правонарушения, законодатель приходит к необходимости вывода о том, что в отсутствии вины нет правонарушения, и, как следствие этого, административной ответственности и наказания.

Одним из обязательных юридических признаков понятия административного правонарушения является и наказуемость деяния. В то же время официальное (нормативное) определение административного проступка такого термина не содержит. В ст. 2.1 КоАП РФ говорится о деяниях в виде действия/бездействия за которые законодательством предусмотрена административная ответственность. Вообще в действующем КоАП РФ применяется как терминология «наказание» (гл. 3 Административное наказания), а в необходимых случаях используется термин «взыскания» (по ст. 3.5 «административный штраф является денежным взысканием...»). По этому поводу возникает вопрос о соотношении указанных терминов и понятий, которые обозначаются в кодифицированном правовом документе.

В.И. Даль толкует эти понятия как адекватные. По его анализу, взыскания – это наказание виновного за проступки [1, с. 202], а наказание означает наложение взыскания [2, с. 420]. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова уточняют, что взыскание длится долго и представляет из себя меру воздействия, применяемую к кому-либо за вину, проступок и преступление, причиняющую затруднения, хлопоты. Наказание в их понимании – мера воздействия на того, кто совершил проступок, преступление, кроме того оно относится к чему-то трудному, тяжелому и неприятному, является выражением осуждения [7, с. 81, 383]. Энциклопедический словарь объясняет административное взыскание в виде меры наказания, применяемого соответствующими органами или должностными лицами [8, с. 217]. С позиции С.А. Кузнецова, взыскание – это наказание за невыполнение или нарушение чего-либо. выговор (административное, дисциплинарное), а наказание – это мера воздействия, применяемая к кому-либо за какую-либо вину, проступок, преступление [5, с. 128, 583].

Итак, большинство авторов сходятся во мнении, что данные понятия являются практически синонимами. А вот законодательные акты определяют определения взыскания и наказания так, что возникает возможность их трактовки как различных правовых категорий. Так, КоАП РФ в статье 3.1 «Цель административного наказания», определяет его мерой ответственности, используемой для воспитания субъекта, совершившего административный проступок, в русле строгого соблюдения законов, норм морали и нравственности, уважения к правилам общежития, а также предотвращения совершения новых административных деликтов, как самим правонарушителем, так и прочими субъектами.

Уголовный кодекс в ст. 43 «Понятие и цели наказания» устанавливает наказание как особую меру государственного принуждения, применяемую исключительно от имени государства по

приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, что охватывается предусмотренным законом ограничением прав и свобод, определенными обременениями осужденного лица и имеет мишенью не только наказание, но и максимальное по охвату исправление осужденных, а также превенцию совершения новых преступлений, как осужденными лицами, так и иными субъектами.

Сравнение приведенных конструкций показывает, что наиболее существенное отличие между уголовным и административным наказанием может быть отыскано в отсутствии четкого указания на то, что административное наказание содержит компоненты карательной политики державы.

Такая ситуация дала возможность на соответствующем этапе развития административно-деликтных знаний предположить, что таким образом законодатель подчеркнул качественное отличие санкций, применяемых за совершение административного правонарушения, от санкций, применяемых за совершение преступления [6, с. 36].

С нашей позиции, представленное предположение не вполне юридически правильное. В данной мысли можно выделить два взаимообусловленных момента: во-первых, причинно-следственная связь правонарушения и наказания (как способ защиты от правонарушений) и, во-вторых, необходимость наказания как неизбежный результат защиты государства от нарушений условий его существования. Итак, наказание является неизбежным следствием правонарушения, реакцией государства на общественно опасное посягательство на его интересы.

Возвращаясь к тексту ст. 3.1 КоАП РФ, сосредоточим внимание на том, что наказание, прежде всего, определено как мера ответственности. Именно из-за испытания нужд субъект подвергается профилактическому воздействию и таким путем осуществляется достижение цели административной ответственности – воспитания лица, совершившего административное правонарушение, в русле неуклонного следования законам, строгого уважения к правилам общежития, предупреждения совершения новых административных правонарушений, как самим правонарушителем, так и иными лицами.

Исполнение обязанностей, о которых идет речь, является не чем иным, как наказанием. В целом, наказание – это и средство воздействия на того, кто имеет какую-то вину, и определенная законом мера ответственности правонарушителя за совершенные им действия, как реакцию общества на действия правонарушителя. Наказание заключается в применении к правонарушителю определенных правовых ограничений, изменении его статуса (морального – лишение или

приостановление некоторых прав; материального – осуществление штрафных санкций; физического – ограничение личной свободы).

Поэтому, отсутствие в нормативном определении понятия административного правонарушения фиксированного указания на его наказуемость еще не дает оснований считать административные деликты деяниями, не характеризуются таким признаком, как наказуемость.

Известно, что понятие всегда шире его определения. Поэтому законодатель хотя и не указывает в официальном определении понятия данный признак административного деликта, но признавая действия/бездействия субъекта противозаконным и виновным не может оставлять его безнаказанным.

Этот вывод согласуется с общепризнанным в правоведении положением о том, что значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью.

Нормативными конструкциями «административное наказание является мерой ответственности» (ст. 3.1 КоАП РФ) и «за совершение административных правонарушений могут применяться следующие административные наказания» (ст. 3.2 КоАП РФ) законодатель связывает установление конкретной меры наказания с совершенным административным правонарушением. Более того, он определяет эту связь как причину и следствие.

Из этого следует, три вывода: а) понятие «правонарушение» не может не включать в себя как обязательную и неотъемлемое свойство признак наказания; б) административным правонарушением можно считать только такое деяние, которое по действующему административно-деликтному законодательству влечет наказание; в) если законодатель не связывает административно-правовой запрет с наказанием, то деяние, нарушающее такой запрет, нельзя признать административным проступком.

Отметим, что административные взыскания являются не только средством принуждения лица, признанного виновным в совершении административного правонарушения, но и имеют целью не только наказание этого лица, но и его исправления.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать следующий вывод: наказуемость является одним из необходимых признаков понятия административного правонарушения, поскольку без административного проступка не может быть наказания, точно так же как без причины нет следствия. В пользу данного вывода свидетельствуют следующие аргументы.

1. Правовой теорией обосновано важное положение, согласно которому соблюдение в обществе юридических норм обеспечивается принудительной силой государства, применяется в случаях нарушения

этих норм. Корреляция данного положения с теоретической концепцией административно-деликтного права состоит в том, что административно-деликтные нормы-запреты требуют применения наказания к виновному в пределах соответствующего взыскания как меры административной ответственности.

2. Отсутствие в законодательных конструкциях административного правонарушения термина «наказуемость» не исключает (скорее предполагает) наличие наказания, как важного признака вредного, общественно опасного, противоправного, виновного деяния.

3. Признание наказуемости обязательным признаком административного проступка является одной из гарантий эффективной защиты охраняемых административно-деликтных нормами общественных отношений, создает дополнительные условия для реализации требования неотвратимости наказания за совершение проступка, согласуется с положениями Конституции Российской Федерации.

4. Обеспечение проведения в жизнь требования неотвратимости наказания полностью соответствует фундаментальному принципу осуществления права – принципу законности при применении мер государственного принуждения.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 1 М.: Русский язык, 1978. С. 202.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 2 М.: Русский язык, 1979. С. 420.
3. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. Монография. М.: «Проспект», 2017. 352 с.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Институты права с позиций компрехендной теории познания // Государственно-правовые институты современного общества: сборник статей всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан / Ответственный редактор: Ф.М. Раянов. Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. С. 45 – 55.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. С. 128, 583.
6. Лазарев Б.М. Административные правонарушения и ответственность за их совершение // Советское государство и право. 1985. № 8. С. 36.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е издание дополненное. М.: ООО «А ТЕМП». 2006. С. 81, 383,
8. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., доп. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 217.

9. Шапиро Е.А. Теоретические основы эпистемологии государства и права // Глава III монографии «Современная наука в теории и практике» / Научный редактор: С.П. Акутина. М.: «Перо», 2018. С. 51 – 72.

Об авторе:

БЕЖЕНЦЕВ Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции; начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», (Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1); ORCID: 0000-0002-9909-9869; e-mail: adovd@mail.ru

ADMINISTRATIVE OFFENSE: ONTOLOGY OF GUILT AND PUNISHMENT

A.A. Bezhentsev

Saint-Petersburg university Ministry of the internal affairs of Russian Federation

The author examines the ontology of forms of guilt depending on the degree of public danger, concludes that the recognition by administrative legislation of guilt as a property of all administrative offenses has an extremely important meaning, as it contributes to the exact observance of the principles of social justice, further strengthening the rule of law in the camp and meets not only the requirements the subsequent development of administrative law, but also the needs of law enforcement practice of administrative jurisdictional activity awns. One of the mandatory legal features of the concept of an administrative offense is the punishability of the act, since the term «punishment» and «foreclosure» are used in the current Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the author delimits these concepts, concludes that punishability is one of the necessary features of the concept of administrative misconduct, since without an administrative offense punishment is not possible, just as without a reason there is no investigation.

Keywords: *administrative offense, guilt, form of guilt, administrative punishment, inevitability of punishment, administrative penalty, ontology of guilt, ontology of punishment.*

About author:

BEZHENTSEV Alexander – PhD, associate professor, lieutenant colonel of the police; Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», (Russia, St. Petersburg, Letchika Pilyutova St., 1); ORCID: 0000-0002-9909-9869; e-mail: adovd@mail.ru

Беженцев А.А. Административное правонарушение: гносеология виновности и наказуемости // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 59 – 66.

УДК 342.7

ВНУТРЕННЯЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ КОНЦЕПТА «TOLERANCE» В ДОКУМЕНТАХ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Д.А. Кириллов, Е.Г. Сеченова

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.067

В статье показана взаимосвязь понятия «tolerance» в документах ООН и положения Конституции РФ о приоритете общечеловеческих прав перед правами, обусловленными групповой принадлежностью людей. При этом в документах ООН на русском языке единый подход к переводу «tolerance» отсутствует, что препятствует толкованию Конституции РФ, а потому при анализе понятия «tolerance» нами использованы документы на английском языке. Однако и в них видна явная внутренняя противоречивость, что может указывать на признаки легковесности позиции ООН в отношении самой идеи «tolerance» и ее продвижения. Даются рекомендации по коррекции ситуации.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, толерантность, терпимость, резолюция ООН, Устав ООН, противоречие, имманентные признаки, права человека, взаимоотношения людей.

2020 год с очевидностью продемонстрировал, что различия по признакам расовой, национальной, религиозной, профессиональной и иной подобной принадлежности (далее – «имманентные признаки») продолжают оставаться источниками вражды в отношениях между «различающимися» людьми и их группами. В ситуации, призвавшей вернуться к осмыслению положения ст. 2 Конституции РФ [7] о приоритете неотъемлемых прав человека над правами, вытекающими из разного рода групповой принадлежности, с особой актуальностью встал вопрос о подходах к формированию позиции индивидуальных и групповых субъектов в отношении «носителей» любой «инаковости», а также соответствующим имманентным признакам.

К числу важнейших источников рекомендаций о таких подходах относятся, на наш взгляд, документы Генеральной Ассамблеи (далее – ГА) и другие документы Организации Объединенных Наций (далее – ООН). В соответствии с таковыми, для обозначения оптимального принципа взаимоотношений между субъектами с различными имманентными признаками, в документах на английском (французском) языке используется термин «tolerance» («la tolérance») [4], а на русском – два термина: «терпимость» [4] и «толерантность» [3].

Заметим, что русский язык один из шести официальных языков ООН. Английский и французский языки являются также и рабочими. На них осуществляются подготовка текстов большинства документов, представление замечаний и пояснений, иные подобные действия. Официальные документы изготавливаются и согласовываются на рабочих языках, а затем переводятся на официальные [6]. Потому при выявлении противоречий в документах ООН на рабочем и нерабочем языках смысловый приоритет имеет текст на рабочем языке.

В «нашем» же случае ситуация еще более неординарная. Речь идет о противоречивости даже не текстов на разных языках, а фрагментов документов на русском языке при тождественности версий этих фрагментов на рабочих языках. Между тем логика, к примеру, не разделяемой нами позиции В.В. Диденко о том, что для выбора в пользу терпимости или толерантности, в том числе, видимо, и при переводе с рабочего языка ООН, следует учитывать конкретные исторические особенности социальной ситуации и применять логические приемы толкования [10, с. 167 – 168], подразумевает, что различные переводы слова «tolerance» («la tolérance») сами по себе не означают противоречивости. Между тем схожие условия толкования уместны для демонстрации случаев, когда противоречивость является явной.

Исторические особенности социальных ситуаций отражены в преамбулах документов. Для минимизации различий в «исторической обстановке» их принятия мы сравнивали переводы на русский язык термина «tolerance» («la tolérance») в преамбулах документов, принятых в пределах небольшого промежутка времени и близких по тематике. Более того, учитывалось, что в преамбулы принимаемых документов ООН принято практически без правки переносить подходящие фрагменты документов, принятых ранее.

В качестве показательного примера явной противоречивости рассмотрим соотношение нескольких фрагментов, отвечающих названным условиям.

Так, текст «States, regional organizations...have an important role to play in promoting tolerance and respect for religious and cultural diversity...» содержится в версиях преамбул Резолюций ГА ООН от 12.12.2018 г. № 73/128 [3], от 31.07.2019 г. № 73/328 [2] и от 19.12.2019 г. № 74/164 [1].

В русскоязычных же версиях, согласно Резолюции от 12.12.2018 г. № 73/128, «государства, региональные организации...призваны играть важную роль в поощрении толерантного и уважительного отношения к религиозному и культурному многообразию...» [3], а в соответствии с Резолюциями от 31.07.2019 г. № 73/328 и от 19.12.2019 г. № 74/164 «государства...региональные организации...призваны играть важную роль в поощрении терпимого и уважительного отношения к

религиозному и культурному многообразию...» [2] и «государства, региональные организации... призваны играть важную роль в утверждении идеалов терпимости и уважения религиозного и культурного разнообразия...» [1]. При этом все три резолюции близки по тематической направленности и времени принятия, а также содержат тождественные фрагменты в преамбуле, в силу чего оснований для использования разных терминов в русскоязычной версии нет.

В русскоязычной научной среде единство мнений о соотношении понятий «терпимость» и «толерантность» отсутствует. Согласно позициям, к примеру, Е.Н. Ярковой [15, с. 29] и В.М. Золотухина [11, с. 99 – 100], данные понятия, соответственно, тождественны и различаются. По нашему мнению, они вообще являются взаимоисключающими. Так, в основе терпимости – чувство собственного превосходства по отношению к другим [12, с. 77 – 78]. В частности, согласны с тем, что «в слове “терпимость” присутствует оттенок непротivления неприятным или неблагоприятным факторам... Толерантность же отражает... позицию, которая заключается в одобрении, поддержке разнообразия мира и права на различие людей и мнений...» [14].

Обозначенная несогласованность в переводах, а также смысловые различия между терпимостью и толерантностью исключают возможность получения из документов ООН на русском языке непротиворечивой информации об оптимальном принципе взаимоотношений между носителями «инаковости». Противоречивая же информация создает «неопределенность в правоприменении и доктрине, что неблагоприятно сказывается на россиянах и их правах» [9, с. 97]. Такая противоречивость, на наш взгляд, ставит сегодня под сомнение все тексты документов ООН, содержащие термины «терпимость» и «толерантность».

В связи с этим для проведения последующего анализа мы сочли уместным замещать русскоязычные слова о терпимости и толерантности, а также смежные с ними соответствующими англоязычными терминами «tolerance» и смежными.

Указание на «tolerance» как предпочтительный принцип взаимоотношений между людьми содержится в Уставе ООН. В преамбуле его англоязычной версии, в частности, указывается: «We the peoples of the United Nations determined... to practice tolerance...» или в смешанном языковом варианте: «Мы, народы Организации Объединенных Наций, преисполненные решимости... проявлять “tolerance”...» [16].

Период деятельности ООН до 1993 г. характеризовался принятием ряда документов, в том числе, с 1961 г. тематических резолюций ГА ООН, в которых, в основном, использовалась конструкция двойного

отрицания с указанием на «недопустимость “intolerance”» во взаимоотношениях между носителями «имманентных признаков». Показательна здесь Резолюция ГА ООН от 18.12.1961 г. № 1684 (XVI) «Manifestations of racial prejudice and national and religious intolerance» или в смешанном языковом варианте – «Проявление расовых предрассудков и национальной и религиозной “intolerance”» [18]. Хотя до 1993 г. имело место и вспомогательное использование конструкции «tolerance», к примеру, в «Декларации о ликвидации всех форм “intolerance” и дискриминации на основе религии или убеждений», утвержденной Резолюцией ГА ООН от 25.11.1981 г. № 36/55. Ее текст о важности «содействовать пониманию, “tolerance” и уважению в вопросах свободы религии и убеждений...» [5], очевидно, использовался и при разработке российского законодательства [8].

После 1993 г., а именно в тематической Резолюции ГА ООН от 14.02.1994 г. № 48/126 «United Nations Year for Tolerance» (в смешанном варианте – «Год ООН, посвященный “tolerance”») определены базовые аспекты понятия «tolerance», которая представляет собой «the recognition and appreciation of others, the ability to live together with and to listen to others...», или в русскоязычной версии: «признание и уважение других, умение жить вместе с другими и прислушиваться к ним...». Здесь же содержится и просьба к ЮНЕСКО принять на себя функции по реализации в 1995 г. положений Резолюции № 48/126, а также подготовить «... a declaration on tolerance» (в русскоязычной версии – «хартию терпимости») [4].

Резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. был принят документ «Declaration of Principles on Tolerance» или в смешанном языковом варианте – «Декларация принципов “tolerance”» (далее по тексту – «Декларация»). В ее ст. 1 содержатся дефиниционная характеристика и развернутое описание понятия «tolerance». Согласно пункту 1.1 «Декларации», «tolerance is respect, acceptance and appreciation of the rich diversity of our world's cultures, our forms of expression and ways of being human. It is fostered by knowledge, openness, communication, and freedom of thought, conscience and belief» [17], что в русскоязычной версии соответствует тому, что “tolerance” «означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности».

Заметим, что приведенная дефиниционная характеристика, на наш взгляд, неполна, поскольку не учитывает наличия двух видов (уровней) «tolerance» – низшего (негативного), подразумевающего устойчивое безразличие к «инаковости», и высшего (позитивного), характеризующегося уважительным отношением к иным имманентным признакам и их носителям [13, с. 84]. Между тем данная в

«Декларации» дефиниционная характеристика является официальной, поскольку базируется на положениях Устава ООН и Резолюции ГА ООН № 48/126. В целом же текст «Декларации» следует рассматривать как адресованную мировому сообществу позицию ООН о том, что «tolerance» представляет собой оптимальный принцип взаимоотношений между носителями различных имманентных признаков.

После принятия «Декларации» ведущая роль в продвижении и разъяснении значения идеи «tolerance» как оптимального принципа взаимоотношений между носителями различных имманентных признаков принадлежит ООН. Всемирное сопровождение идеи «tolerance» должно, по нашему мнению, найти отражение прежде всего в документах ООН. Между тем, несмотря на множество таких документов, качество их текста в части отражения и демонстрации уровня значимости идеи «tolerance» является, на наш взгляд, крайне низким.

Обратимся лишь к одному примеру, который, к сожалению, типичен. Так, в пункте 1.1 «Декларации» на английском языке, в частности, указывается, что «Tolerance is respect, acceptance and appreciation of the rich diversity of our world's cultures ...» [17]. При этом, в Резолюции ГА ООН от 12.12.2018 г. № 73/128 содержится текст: «Acknowledging the diversity of the world...and encouraging tolerance, respect, dialogue and cooperation among different cultures, civilizations and peoples...» [3]. Как видно, в «Декларации» единичный концепт «respect» включен в качестве части в «составной» концепт «tolerance». Потому совершенно очевидно, что в приведенной цитате из Резолюции ГА ООН № 73/128 «tolerance» и «respect» однородными членами предложения ни на одном из языков мира быть не должны. Здесь создается впечатление, что при подготовке текста Резолюции ГА ООН № 73/128 авторы абстрагировались от официальной позиции, выраженной в «Декларации», которая подготовлена по поручению ООН.

Как легко убедиться, документов ООН с подобным некорректным построением фраз, включающих термин «tolerance», по самым скромным оценкам значительно «больше ста» и, по крайней мере, намного больше числа корректных документов. Данную ситуацию можно было бы оставить без внимания, если бы не шлейф неблагоприятных событий, негативным фактором для которых она выступает. Так, надлежащая реализация идеи «tolerance» в межрасовых отношениях по уровню актуальности сегодня вышла в первый ряд факторов даже в США.

В данном контексте весьма, на наш взгляд, пагубно то, что у адресатов документов ООН формируется мнение о крайне легковесном, если не сказать формальном, отношении организации к самой идее

«tolerance», лежащей в основе охарактеризованных фрагментов текста. Признаки имитационности отношения ООН к продвижению идеи «tolerance» налицо. Это создает предпосылки к тому, чтобы поставить под сомнение тезис о важном с точки зрения ООН значении идеи «tolerance» для мирового сообщества в целом. В сегменте же, воспринимающем документы ООН в русскоязычной версии, сомнения в тезисе о важности «tolerance» укрепляют позиции сторонников достаточно ущербной «терпимости», что, в частности, не согласуется ни с буквой, ни с духом ст. 2 Конституции РФ.

Поэтому ситуацию с текущим текстовым воплощением ООН идеи «tolerance», как представляется, следует корректировать. Это возможно путем либо глубокой корректировки, а именно внесения изменений в те «больше ста» фрагментов документов, принятых после 1995 г., причем на всех официальных языках ООН, либо вообще отказа ООН и ЮНЕСКО от дефиниционных характеристик «tolerance» не только в «Декларации» [17], но и в Резолюции ГА ООН от 14.02.1994 г. № 48/126 [4], поскольку в данном случае отсутствие адресованной мировому сообществу позиции представляется, по нашему мнению, менее пагубным, чем легковесное отношение к положениям «Декларации». Указанные меры позволили бы преодолеть неопределенность понятия «tolerance», в том числе для целей толкования ст. 2 Конституции России. Кроме того, представляется разумным внести корректировки во все документы ООН на русском языке, чтобы понятию «tolerance» на английском языке соответствовало понятие «толерантность».

Список литературы

1. Резолюция ГА ООН от 18.12.2019 г. № 74/164 «Борьба с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений, стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии или убеждений». URL: <https://undocs.org/en/A/RES/74/164> (дата обращения: 27.08.2020).
2. Резолюция ГА ООН от 31.07.2019 г. № 73/328 «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога и терпимости в контексте борьбы с ненавистническими высказываниями». URL: <https://undocs.org/en/A/RES/73/328> (дата обращения: 27.08.2020).
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2018 г. № 73/128 «Просвещение и религиозная толерантность». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/128> <https://undocs.org/en/A/RES/73/128> (дата обращения: 27.08.2020).
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.02.1994 г. № 48/126 «Год ООН, посвященный терпимости». URL: <https://undocs.org/en/A/RES/48/126> <https://undocs.org/ru/A/RES/48/126> (дата обращения: 27.08.2020).

5. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: Резолюция 36/55 ГА от 25 ноября 1981 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/36/55> (дата обращения: 07.07.2020).

6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 01.02.1946 г. № 1/2 «Правила о языках». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2%28I%29> (дата обращения: 27.08.2020).

7. Конституция РФ. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 27.08.2020).

8. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

9. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о правовой неопределенности российского законодательства и ее последствиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 94 – 99.

10. Диденко В.В. Анализ значения лексем tolerance, толерантность и терпимость в английском и русском языках // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-2 (28). С. 151 – 173.

11. Золотухин В. М. Терпимость и толерантность: сходство и различие // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. № 2. С. 94 – 100.

12. Кириллов Д. А., Сеченова Е. Г. О рассогласованности в регулировании религиозной толерантности Конституцией России и национальным законодательством о свободе совести // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. № 1. С. 74 – 91.

13. Симаворян А., Овян В. Религиозная толерантность в современном обществе // 21-й ВЕК. 2013. № 1 (26). С. 82 – 90.

14. Термин "толерантность"/"терпимость". Досье. ТАСС. 16.11.2015. URL: <https://tass.ru/info/2441674> (дата обращения: 27.08.2020).

15. Яркова Е. Н. Миграция: типология этнокультурной политики // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. № 2. С. 25 – 35.

16. Charter of the United Nations. URL: <https://www.un.org/en/sections/un-charter/preamble/index.html> (дата обращения: 27.08.2020).

17. Declaration of principles of tolerance. Approved by resolution 5.61 of the UNESCO General Conference of November 16, 1995. URL: <https://www.refworld.org/docid/453395954.html> <http://www.tolerance.ru/tolerance-deklaraciya.php> (дата обращения: 27.08.2020).

18. UN GA. 1961. “Manifestations of racial prejudice and national and religious intolerance. Resolution”. 16th UN GA session (18 December, New York City). [https://undocs.org/en/A/RES/1684\(XVI\)](https://undocs.org/en/A/RES/1684(XVI)) (дата обращения: 27.08.2020).

Об авторах:

КИРИЛЛОВ Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права ФГОАУ ВО «Тюменский государственный университет (625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6); ORCID 0000-0002-1550-1962, SPIN-код 9203-6927; e-mail: kdakda@yandex.ru

СЕЧЕНОВА Екатерина Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода ФГОАУ ВО «Тюменский государственный университет (625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6); AuthorID: 520638; e-mail: e.g.sechenova@utmn.ru

**INTERNAL INCONSISTENCY OF THE CONCEPT OF
"TOLERANCE" IN UNITED NATIONS DOCUMENTS:
CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS**

D.A. Kirillov, E.G. Sechenova

Tyumen State University

The article shows the relationship between the concept of "tolerance" in UN documents and the provisions of the Russian Constitution on the priority of universal human rights over rights arising from the group affiliation of people. Notably, UN documents in Russian contain no unified approach to the translation of "tolerance", which impedes the interpretation of the Russian Constitution; therefore, UN documents in English were used to analyze the concept of "tolerance". However, a clear internal contradiction can be observed in these documents as well; this might indicate signs of unacceptable lightness of the UN position in relation to the idea of "tolerance" and its advancement. Recommendations are provided to remedy the situation.

Keywords: *United Nation, tolerance, patience, UN resolution, UN Charter, contradiction, immanent features, human rights, human relations.*

About authors:

KIRILLOV Dmitry - candidate of sciences (law), associate professor, associate professor, department of administrative and financial law of Tyumen State University (6, Volodarskogo st., Tyumen, Russia, 625003); ORCID 0000-0002-1550-1962, SPIN-код 9203-6927; e-mail: kdakda@yandex.ru

SECHENOVA Ekaterina - candidate of sciences (philology), associate professor of the department of English philology and translation of Tyumen State University (6, Volodarskogo st., Tyumen, Russia, 625003); AuthorID: 520638; e-mail: e.g.sechenova@utmn.ru

Кириллов Д.А., Сеченова Е.Г. Внутренняя противоречивость концепта «tolerance» в документах организации объединенных наций: конституционно-правовой анализ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 67 – 74.

УДК 347.441

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В ДОГОВОРНОЙ РАБОТЕ ТУРИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ПОТРЕБИТЕЛЯМИ

Н.В. Сирик¹, А.С. Кусков²

¹ФГБОУ ВО «Смоленский филиал Саратовской государственной
юридической академии»; ОЧУВО «Смоленский филиал
Международного
юридического института», г. Смоленск

²Саратовская региональная общественная организация
«Центр правовой защиты потребителей», г. Саратов

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.075

В представленной статье анализируются типичные ошибки в договорной работе туристских организаций, приводящие к нарушению прав как туристов, так и турагентов, вынужденных заключать договоры, разработанные туроператором как наиболее сильной стороной договора. Сделан вывод о том, что, несмотря на совершенствование законодательства в сфере туризма, в практической деятельности туристских организаций довольно часто встречаются нарушения законодательства.

Ключевые слова: договор о реализации туристского продукта, потребитель, турагент, турист, туристский продукт, туроператор, условия, ущемляющие права потребителей.

Договор о реализации туристского продукта является основным правовым средством осуществления права граждан на отдых. Несмотря на то, что в последнее время наблюдаются значительные изменения, связанные с совершенствованием законодательства о туризме, в практической деятельности туристских организаций наблюдаются значительные нарушения прав туристов при заключении и исполнении договора. Анализ правоприменительной практики позволил выявить наиболее типичные ошибки в договорной работе, приводящие к нарушению прав как туристов, так и турагентов, вынужденных заключать договоры, разработанные туроператором как наиболее сильной стороной договора.

1. В договор о реализации туристского продукта включены не все существенные условия.

Существенные условия договора о реализации туристского продукта определены в ст. 10, 10.1 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [2] (далее – Закон о туризме). Действующая редакция Закона о туризме в ст. 10 содержит перечень из 12 существенных

условий, к которым добавляется еще семь существенных условий при заключении договора между туристом и турагентом (ст. 10.1 Закона о туризме).

Отсутствие хотя бы одного существенного условия может привести к признанию договора незаключенным и рассматривается как нарушение прав потребителя на информацию [6]. В этой связи интересен следующий пример.

П. и Г. обратились в суд с иском к ООО «ГТ», ООО «ГТС», ООО «БГО», ООО «БГАА» о признании незаключенным договора о реализации турпродукта. Требования истцов мотивированы тем, что: а) в письменной форме договор не заключался, а его проект сторонами не был подписан; б) в проекте договора отсутствуют данные о туроператоре, а указание в качестве туроператора ООО «БГО» является ошибочным и не соответствует условиям агентских договоров; в) истцам не направлено Приложение к договору, содержащее сведения о турпродукте и его цене; г) не был согласован объем туристских услуг. Суд указал, что вышеназванные обстоятельства свидетельствуют о несогласовании сторонами существенных условий договора, а сам договор, в силу положений ст. 432 Гражданского кодекса РФ и ст. 10 Закона о туризме, является незаключенным [14].

Заметим, что не всегда отсутствие существенных условий (например, условия о наименовании туроператора в договоре) может привести к признанию договора незаключенным. В соответствии с п. 3 ст. 432 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ) сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности. То есть в случаях, когда договор начал исполняться, а стороны принимают такое исполнение, говорить о незаключенности договора нельзя, что подтверждается и судебной практикой.

А. подал иск к ООО «АПИ» о признании договора недействительным, так как он не содержит информацию о туроператоре. Суд указал, что недостижение в требуемой форме соглашения о существенных условиях говорит не о недействительности договора, а о его незаключенности. Но А. от исполнения договора по мотивам отсутствия информации о туроператоре не отказывался, документы по туру получил, договор соответствует типовой форме, утвержденной Минэкономразвития России, где сведения о туроператоре указываются в приложении № 2. После заключения договора А. переданы документы для получения визы (справка о бронировании, билеты), в которых есть сведения о туроператоре. А. признавал договор

действительным, заявленные им требования связаны исключительно с невозможностью совершения поездки по состоянию здоровья, а не с отсутствием информации о туроператоре [13].

Итак, вопрос о том, влечет ли несогласование существенных условий в договоре его незаключенность, требует детального изучения текста договора и приложений, являющихся неотъемлемой его частью. Следует также разрешить вопрос о влиянии отсутствующего существенного условия на исполнение договора.

2. Туристские организации не используют типовую форму договора о реализации туристского продукта.

Приказом Минэкономразвития России «Об утверждении типовых форм договора о реализации туристского продукта, заключаемого между туроператором и туристом и (или) иным заказчиком, и договора о реализации туристского продукта, заключаемого между турагентом и туристом и (или) иным заказчиком» (далее – Приказ) [4] утверждены две типовые формы договора, заключаемые между туристом и турагентом, туристом и туроператором. Типовая форма является обязательной для применения в силу ст. 426 ГК РФ и п. 12 Указа Президента РФ от 23.05.1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти».

К настоящему моменту не сложилась правоприменительная практика, связанная с ответственностью за неприменение типовых форм договоров о реализации туристского продукта, что объясняется следующим: а) в КоАП РФ отсутствуют подобные нормы; б) территориальные органы Роспотребнадзора привлекают туристские организации к ответственности не за несоответствие договора типовым формам, а за факты включения в текст договоров условий, ущемляющих права потребителей, что регламентировано ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» [3]; в) гражданско-правовая ответственность за неприменение или нарушение порядка применения типовых форм законодательством не предусмотрена.

Итак, возможность признания договоров о реализации туристского продукта, не соответствующих типовым формам, недействительными или незаключенными нивелируется вышеуказанными обстоятельствами, что, с одной стороны, делает «немыми» нормы Приказа, а с другой стороны, позволяет нам сделать вывод о том, что если все существенные условия в договоре о реализации туристского продукта поименованы, и при этом в нем нет условий, ущемляющих права потребителя, то такой договор нельзя признать недействительным или незаключенным.

3. Подмена договора о реализации туристского продукта отдельными договорами на оказание туристских услуг.

В практике организации внутренних туров (особенно автобусных туров на море) встречаются случаи турорганизаторской деятельности, когда турагенты, не желая сотрудничать с туроператорами, заключают с туристами договоры о приобретении отдельных услуг (транспортных, ресторанных, экскурсионных, гостиничных), составляющих в совокупности туристский продукт. При этом правоотношения еще более усложняются, когда турагент приобретает такие услуги у разных исполнителей и находящихся, зачастую, в различных городах. Применительно к туроператорам законодателем такая проблема была разрешена путем внесения дополнений в ст. 10 Закона о туризме.

Однако под действие данной нормы не подпадают турагенты, которые обычно заказывают такие услуги не у туроператоров, а непосредственно у исполнителей, их предоставляющих. Происходит подмена договора о реализации турпродукта договорами агентирования или поручения, согласно которым турагент, получая от исполнителей отдельные услуги, реализует туристам их комплекс за общую цену. Туристы при этом получают на руки несколько договоров с различными исполнителями услуг. Ответственность за любые нарушения, связанные с порядком предоставления услуг, ложится на исполнителей, с которыми заключены эти договоры. Согласно п. 2 ст. 170 ГК РФ такие сделки можно квалифицировать как притворные, направленные накрытие сделок в рамках договора о реализации туристского продукта. Такая позиция разделяется и официальными органами [5], и в судебной практике [11].

Распространенной является и ситуация, когда турагенты приобретают единичные услуги, в совокупности не образующие туристский продукт, и предоставляют их туристам в дополнение к продукту туроператора (либо за дополнительную плату, либо безвозмездно). Мы полагаем, ссылаясь на ст. 9 Закона о туризме, что в данном случае можно говорить об обоснованности и законности несения турагентами ответственности за все дополнительные услуги, предоставляемые туристам и не входящие в туристский продукт, сформированный туроператором.

4. Включение в договор с туристом условия о замене отдельных услуг на услуги той же или более высокой категории.

К существенным условиям договора о реализации туристского продукта относятся программа пребывания, маршрут путешествия, включая информацию о средствах размещения, услугах проживания и питания, экскурсионных услугах и т. д. Как следует из ст. 450 ГК РФ, изменение и расторжение договора возможны только по соглашению сторон в письменной форме.

В случае, если туриста уведомили о замене до поездки и условия средства размещения не ухудшились, т. е. отель по классу не уступает замененному, оказывает те же услуги и по тем же ценам, суд может отказать туристу в защите нарушенных прав. Если же турист узнает о замене отеля по прибытии на отдых, то действия туроператора по замене отеля в любом случае незаконны, так как турист не имеет возможности отказаться от договора в связи с изменением его существенных условий до начала путешествия. Такая позиция разделяется и судами.

Замена отеля должна производиться не в момент прибытия клиентов на курорт, а заблаговременно. Туристские организации не должны допускать замену турпродукта с определенными договором потребительскими свойствами (качеством) на другой без согласия туриста. Доводы ответчика о согласии истцов на замену отеля нельзя признать обоснованными, поскольку действия истцов, находящихся на территории иностранного государства, могли носить только вынужденный характер, они лишены возможности приобрести другой турпродукт. Кроме того, согласно ст. 452 ГК РФ, соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев делового оборота не вытекает иное [12].

Таким образом, при рассмотрении данного дела сформулирован правильный вывод о том, что в этом случае в нарушение ст. 310, п. 1 ст. 452 ГК РФ, ст. 10 Закона о туризме допущено изменение существенных условий договора о реализации туристского продукта, чем нарушены права потребителя.

Аналогично складывается судебная практика, связанная с заменой экскурсионного обслуживания.

С. подала иск к ООО «В» о возмещении убытков, обосновав требования тем, что при осуществлении автобусного тура в Великий Устюг запланированную экскурсию в храм Прокопия Праведного после выезда из Перми заменили экскурсией на завод Северной Черни с посещением салона этого завода и магазина при Устюгском ликероводочном заводе. Судебная коллегия, отменяя решение суда первой инстанции, указала, что туроператор не представил доказательств своевременного доведения до С. информации по изменению экскурсионной программы, а это ограничило ее право на выбор услуги и на отказ от предложенной услуги до выезда из Перми. Таким образом, права С. нарушены и подлежат восстановлению в форме компенсации морального вреда [8].

Единственным основанием неисполнения или изменения экскурсионной программы является действие непреодолимой силы.

Так, истцам в связи с невозможностью посетить Мраморный храм из-за проведения в нем религиозной церемонии за счет ответчика предоставлена экскурсия в другие объекты, что подтверждается копиями бортового журнала и входных билетов в музей. Суд указал, что в соответствии с абз. 10 п. 22 Правил оказания услуг по реализации туристского продукта исполнитель освобождается от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств перед потребителем, если докажет, что это произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным федеральными законами. При сложившихся обстоятельствах суд не находит оснований удовлетворения иска, так как нарушений прав потребителя в ходе рассмотрения дела не установлено, факт причинения морального вреда не подтвержден [15].

Представляется, что замена программы туристского обслуживания, будь то отели, экскурсии, перевозка, должна осуществляться в точном соответствии с законодательством, то есть путем согласования предмета замены перед началом поездки и в письменной форме. Замена программы тура после начала путешествия возможна только в связи с возникновением обстоятельств непреодолимой силы.

5. Включение в договор о реализации туристского продукта условия об обязательном страховании от невыезда.

Многие туроператоры в сфере выездного туризма включают условие об обязательности приобретения страховки от невыезда в договор о реализации туристского продукта, а в случае отказа туриста от страхования такой отказ оформляют распиской или ссылаются на указанное обстоятельство в договоре. Стремясь избежать гражданско-правовой ответственности перед туристом, туристские организации, включая в договор условия об обязательности страхования от невыезда, противоречащие нормам действующего законодательства, тем самым, в случае нарушения прав туриста, несут не только гражданско-правовую ответственность перед туристом, но и административно-правовую перед государством. Включение таких условий в договор в большинстве случаев является основанием для его расторжения без несения соответствующих санкций потребителями.

Управлением Роспотребнадзора по Новосибирской области выявлены факты включения в договоры о реализации турпродукта обязательств по участию туристов в различных формах страхования («медицинская страховка», «страхование от невыезда»). Управление указало, что в случаях невозможности совершения поездки право туриста на расторжение договора установлено п. 1 ст. 782 ГК РФ, ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей», ст. 10 Закона о туризме. При этом расходами не могут являться штрафные санкции или убытки, понесенные исполнителем в связи с отказом потребителя от исполнения

договора. Согласие туриста на страхование от невыезда должно иметь добровольный характер и в силу ч. 2 ст. 935 ГК РФ не может возлагаться на него по закону [7].

Включение туристскими организациями в договор условия об обязательном страховании от невыезда приводит к появлению еще одной проблемы, связанной с тем, что при рассмотрении в судах дел о расторжении договоров о реализации туристского продукта туроператоры и турагенты ссылаются на отсутствие у туриста права на возврат уплаченных им денежных средств в силу отказа от оформления страховки от невыезда. Однако судебная практика в этом вопросе достаточно единообразна, а суды указывают на то, что законодательно не установлена обязанность приобретения туристами страховки от невыезда.

Московский городской суд отклонил доводы апелляционных жалоб ответчиков о не принятии судом во внимание того, что при заключении договора истец отказался от дополнительной услуги – страхования расходов вследствие отмены поездки, и указал, что в силу положений гражданского законодательства данное обстоятельство не является основанием для освобождения туроператора от обязанности по возврату истцу денежных средств в связи с несостоявшейся поездкой [9], а также не имеет правового значения для рассмотрения дела и вынесенного судом первой инстанции решения [10].

Итак, страхование от невыезда не относится к обязательной услуге, так как ее предоставление не закреплено в нормах законодательства о туристской деятельности. При отказе туристов от исполнения условий договора возврат денежных средств, уплаченных за туристский продукт, не должен ставиться в зависимость от наличия или отсутствия страховки от невыезда. Любое условие договора с туристом, указывающее на обязательность оформления такой страховки, следует считать ущемляющим права потребителей, что образует состав административного правонарушения в соответствии с ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ.

Суммируя изложенное, можно сделать вывод, что, несмотря на совершенствование законодательства в сфере туризма, в практической деятельности туристских организаций довольно часто встречаются нарушения законодательства. Отметим, что к типичным ошибкам в договорной работе следует отнести включение в договор штрафных санкций в связи с односторонним отказом потребителя от договора; включение туроператорами и турагентами услуг по оформлению и выдаче виз в состав туристского продукта; освобождение туроператора от ответственности за недостатки, связанные с перевозкой туристов; включение в текст договора о реализации туристского продукта условия о задатке и т. д.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 31.07.2020 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ (с изм. от 08.06.2020 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.
3. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (с изм. от 31.07.2020 г.) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
4. Приказ Минэкономразвития России от 19.03.2019 г. № 135 «Об утверждении типовых форм договора о реализации туристского продукта, заключаемого между туроператором и туристом и (или) иным заказчиком, и договора о реализации туристского продукта, заключаемого между турагентом и туристом и (или) иным заказчиком» (зарегистрирован в Минюсте России 24.09.2019 г. № 56057) (утрачивает силу с 1 января 2021 года) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Письмо Роспотребнадзора от 07.08.2009 г. № 01/11347-9-32 «Об осуществлении контроля (надзора) за исполнением законодательства о защите прав потребителей при оказании туристских услуг» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Письмо Роспотребнадзора от 31.08.2007 г. № 0100/8935-07-32 «Об особенностях правоприменительной практики, связанной с обеспечением защиты прав потребителей в сфере туристического обслуживания» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Управление Роспотребнадзора по Новосибирской области [электронный ресурс]. URL: <http://54.rospotrebnadzor.ru/content>
8. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 10.01.2020 г. по делу № 33-828/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.10.2018 г. по делу № 33-33747/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2018 г. по делу № 33-8450/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 13.02.2014 г. по делу № 33-1971/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Решение Нововятского районного суда г. Кирова от 04.04.2019 г. по делу № 2-214/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Решение Ленинского районного суда г. Смоленска от 05.09.2018 г. по делу № 2-1853/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Решение Тракторозаводского районного суда г. Челябинска от 22.12.2014 г. по делу № 2-3771/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Решение Тверского районного суда г. Москвы от 18.12.2013 г. по делу № 2-2827/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторах:

СИРИК Наталия Валериевна – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (Россия, г. Смоленск, ул. Ударников, д. 3); заведующая кафедрой гражданского права и процесса Смоленского филиала Международного юридического института (Россия, г. Смоленск, ул. Октябрьской Революции, д. 9, корп. 1); e-mail: nsirik@yandex.ru

Кусков Алексей Сергеевич – магистр юриспруденции, председатель Саратовской региональной общественной организации «Центр правовой защиты потребителей» (Россия, г. Саратов, ул. Чемодурова, д. 7, оф. 29); e-mail: askuskov@mail.ru

TYPICAL MISTAKES IN THE CONTRACTUAL WORK OF TOURIST ORGANIZATIONS WITH CONSUMERS

N.V. Sirik¹, A.S. Kuskov²

¹Smolensk branch of the Saratov state law academy; Smolensk branch of the International law institute, Smolensk

²Saratov regional public organization «Consumer legal protection center», Saratov

The presented work analyses typical mistakes in the contractual work of tourist organizations, leading to violation of the rights of both tourists and travel agents forced to conclude contracts developed by the tour operator as the strongest side of the contract. It has been concluded that despite the improvement of legislation in the field of tourism, violations of the law are quite common in the practical activities of tourist organizations.

Keywords: *contract on sale of tourist product; consumer; travel agent; tourist; tourist product; tour operator; conditions that infringe on the rights of consumers.*

About authors:

SIRIK Natalia – PhD, assistant professor of civil law disciplines departments, Smolensk branch of the Saratov state law academy (Russia, Smolensk, Udarnikov str., 3); head of the civil law and process department, Smolensk branch of the International law institute (Russia, Smolensk, Oktyabrskoi Revolyutsii str., 9, korp. 1); candidate of jur. Science; e-mail: nsirik@yandex.ru.

KUSKOV Aleksey – master of jur., chairman of the Saratov regional public organization «Consumer legal protection center» (Russia, Saratov, Chemodurova str., 7, of. 29); e-mail: askuskov@mail.ru

Сирик Н. В., Кусков А. С. Типичные ошибки в договорной работе туристских организаций с потребителями // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 75 – 83.

УДК 342.564.5

РОЛЬ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ АВТОРИТЕТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.084

Статья посвящена вопросам формирования судейского корпуса и полномочиям квалификационных коллегий судей. Авторитет судебной власти обеспечивается личностью каждого судьи, поэтому так важен конкурсный отбор на судейские должности. Принцип независимости не означает отсутствие ответственности.

Ключевые слова: *судебная власть, органы судейского сообщества; квалификационные коллегии судей, авторитет судебной власти, порядок получения рекомендации на должность судьи, требования, предъявляемые к кандидату на должность судьи, дисциплинарная ответственность судей.*

Уникальность судебной власти обусловлена множеством факторов, но ключевыми можно считать наличие органов судейского сообщества и проблему обеспечения авторитета судебной власти. Ни законодательная, ни исполнительная власть не обладают такими уникальными характеристиками, хотя, конечно, авторитет важен для любой власти, но применительно к судебной он является системообразующим.

Деятельность органов судейского сообщества урегулирована Федеральным законом «Об органах судейского сообщества», в соответствии с которым их задачами являются содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства, защита прав и законных интересов судей, участие в кадровом обеспечении судов и обеспечение авторитета судебной власти.

Высшим органом судейского сообщества является Всероссийский съезд судей, но в вопросах кадрового обеспечения и поддержания авторитета судебной власти наибольшее значение имеют квалификационные коллегии судей. Следует сразу обратить внимание на соотношение понятий судейского сообщества и органов судейского сообщества. Членами судейского сообщества являются все действующие федеральные и мировые судьи, а судьи, пребывающие в почетной отставке, сохраняют принадлежность к органам судейского сообщества. При этом в такие органы судейского сообщества, как квалификационные коллегии и экзаменационные комиссии, в соответствии с законом обязательно входят представители

общественности, которые не являются судьями. Это тоже особенность, присущая только судебной власти.

На основании закона действуют Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации (далее – ВККС) и квалификационные коллегии судей в каждом субъекте Российской Федерации (далее – ККС). ВККС состоит из 29 членов, из которых 18 являются судьями, избираемыми на съезде судей, 10 представителей общественности, назначаемых Советом Федерации, и 1 представитель Президента.

ККС формируются по таким же принципам, а численный состав зависит от того, какие суды находятся на территории данного субъекта. Соответственно, судьи в состав ККС избираются на региональной конференции судей, а представители общественности назначаются законодательным органом субъекта РФ.

Участие представителей общественности в работе квалификационных коллегий имеет большое значение, они являются «гласом народа» и свободны в своих суждениях и оценках. К представителям общественности закон предъявляет особые требования: это должны быть граждане РФ, не имеющие другого гражданства или вида на жительство, достигнуть возраста 35 лет, иметь юридическое образование и безупречную репутацию. Кроме того, закон содержит перечень ограничений, связанных с профессиональным статусом. Не могут быть представителями общественности государственные или муниципальные служащие, руководители юридических лиц, причем любой организационно-правовой формы, а также адвокаты и нотариусы.

Участие общественности предполагает не только своеобразный общественный контроль, но прежде всего возможность применения дополнительных критериев при оценке кандидатов, исходя из представления об авторитете судебной власти теми, кто «по другую сторону судейского стола». В связи с этой особой ролью представителей общественности нередко в дискуссиях звучат предложения об увеличении их числа. Представляется, что в этом нет необходимости, прежде всего потому, что квалификационные коллегии являются органами судейского сообщества, а не структурой, созданной над судейским сообществом. Важнейшие вопросы должно решать само судейское сообщество, как уже отмечалось, в этом уникальность судебной власти. Да, есть практика, когда в органах, ведающих формированием кадрового состава судей, самих судей меньше, но вряд ли это соответствует нашей правовой традиции. Так, в Аргентинской Республике органом судейского сообщества является Совет магистратуры, в который входят три судьи, три адвоката, шесть представителей академического и научного сообщества, шесть

представителей законодательной власти и один представитель исполнительной власти [4, с. 19 – 20]. Такой орган, как представляется, вообще трудно отнести к судейскому сообществу. Наше законодательство, вводя ограничения для представителей общественности, тем самым подтверждает принцип разделения властей.

Но одно ограничение все-таки вызывает определенные сомнения. Это касается адвокатов. На первый взгляд, такое исключение обосновано, адвокаты как постоянные участники судебных процессов предположительно могут быть заинтересованы в судьях, скажем так, с особым характером. Но тогда это ограничение надо распространить и на всех практикующих юристов, ведь представителями довольно часто бывают юристы, не являющиеся адвокатами, но для них таких ограничений нет. Равным образом определенные интересы могут быть и юристов крупных корпораций. Адвокатура как саморегулируемая организация в большей степени способна выдвигать достойных представителей общественности, которые не будут преследовать иных интересов, кроме как формирование достойного судейского корпуса. Хочется верить, что это ограничение будет снято, и адвокаты как правозащитники смогут представлять общественность в квалификационных коллегиях.

Эти вопросы являются определяющими качество работы квалификационных коллегий.

Авторитет судебной власти зависит буквально от каждого судьи. Л.А. Калинина в связи с этим отмечает: «Не случайно зарубежные юристы используют фразу «между богом и людьми только судья», что характеризует традиционное отношение к судье как к особому должностному лицу, которому дано право «умиротворять» общественные отношения посредством справедливого разрешения на основе права социальных конфликтов и восстанавливать нарушенное право» [3, с. 453]. Поэтому очень важно, кто будет рекомендован на соответствующую должность и станет судьей. Судья должен быть подготовлен профессионально, обладать навыками управления, но, что еще более важно, должен обладать высокой внутренней культурой, быть правдивым, порядочным, корректным, доброжелательным, выдержанным, способным противостоять провокациям и соблазнам, уметь принимать самостоятельные решения и нести ответственность за них и при этом не утратить справедливого и милосердного отношения к людям.

Задача очень сложная – за короткое время попытаться установить, соответствует ли кандидат на должность судьи всем этим качествам. Конечно, кандидат представляет все необходимые документы, проводятся проверки, впервые назначаемые сдают квалификационный экзамен, но все это не дает стопроцентной уверенности в том, что будет

рекомендован кандидат, отвечающий всем перечисленным требованиям.

Проблема отбора кандидатов на должность судьи многогранна, все так или иначе влияет на авторитет судебной власти, выделим только некоторые вопросы.

В соответствии с требованиями Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» кандидат должен иметь юридическое образование, подтвержденное дипломом по специальности «Юриспруденция» или дипломами бакалавра и магистра по направлению «Юриспруденция». Казалось бы, совершенно конкретное указание в законе, исключаящее какое-либо толкование. Но на практике развернулась дискуссия о том, что к названным дипломам должны быть приравнены дипломы по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Национальная безопасность» и «Судебная и прокурорская деятельность», поскольку они входят в одну укрупненную группу специальностей и направлений.

Содержание образования по специализированным программам нацелено на совершенно другие виды правоохранительной деятельности и не содержит того объема знаний, который требуется для судебной работы. Кроме того, при обучении по названным стандартам формируется определенный стиль мышления и психологические особенности личности в соответствии с теми видами деятельности, к которым готовят эти программы. А психологические установки личности имеют решающее значение в профессиональной деятельности судьи. Общественное мнение беспокоит некий обвинительный уклон судебных актов, не будем обсуждать правомерность таких утверждений, но одним из поводов для таких выводов является предшествующая профессиональная деятельность судьи и, соответственно, его образование. Размывание требований к содержанию образования кандидата на должность судьи не будет способствовать повышению авторитета судебной власти.

Следующим важным требованием является наличие не менее пяти лет стажа по юридической профессии. Здесь наметилась другая проблема. Последнее время большая часть кандидатов назначается с должности помощника судьи. Это обосновывается знанием судебной работы и делопроизводства, но при этом забывают о том, готов ли помощник к самостоятельной работе, без указаний и подсказок.

Мировая практика предлагает самые различные подходы к вопросу о стаже и характере профессиональной деятельности, необходимой кандидату в судьи. По законодательству Бельгии претендовать на должность судьи первой инстанции может лишь тот, кто проработал десять лет адвокатом или двенадцать лет нотариусом [2, с. 51 – 52]. Есть прямо противоположные примеры. Так, закон о судьях Китайской

народной республики указывает, что судьей можно стать и без юридического образования, если обладать знаниями закона и иметь два года стажа работы, бакалавру права достаточно одного года работы, магистры и доктора права могут вообще не иметь практического стажа [1, с. 290 – 291].

В сравнении с такими требованиями наше законодательство представляется достаточно гармоничным. И главный вопрос даже не в самой должности и стаже, а в том, насколько кандидат является профессионалом. Есть два способа определения профессионального уровня: результат квалификационного экзамена и характеристики с мест работы за предшествующие пять лет.

Надо признать, что ни то ни другое не дает полной и объективной картины. А ведь у нас нет никакого «ученичества», и буквально на следующий день после назначения надо приступать к работе и рассматривать дела. И недостаточный профессиональный уровень нередко выглядит как необъективность или небеспристрастность. Программа квалификационного экзамена на должность судьи не содержит вопросов, касающихся статуса судьи, вот часто и возникают проблемы с потенциальным конфликтом интересов. Недостаточна и практическая составляющая квалификационного экзамена. Хотя вся процессуальная деятельность оформляется документами, но важно еще и уметь организовать процесс и обеспечить надлежащее взаимодействие между участниками дела, для этого нужны имитационные тренинги, которые могли бы стать вторым этапом экзамена при успешном прохождении первого. Кандидату должны быть предложены сложные ситуации с провокациями, отклоняющимся поведением субъектов процесса. Только так можно выявить необходимые профессиональные качества.

Не менее значим и непосредственный этап проведения заседания квалификационной коллегии. Доклад по делу должен содержать все основные характеризующие кандидата данные, но главное – правильно задать вопросы кандидату. Вопросы должны быть направлены на уточнение основных характеризующих данных. Кроме того, важно выяснять обстоятельства, относящиеся к имуществу и финансам, в том числе наличие исполнительных производств, характер предшествующей деятельности. Так, после почти года исполнения обязанностей судьи выяснилось, что, занимаясь ранее юридической практикой, судья имела доверенность, которую не аннулировала. Значит, и такой вопрос уместно задать. Особо тщательно следует выяснять обстоятельства, которые могут послужить основанием для отказа в рекомендации на должность судьи. И здесь границы частной жизни резко сужаются. Надо выяснить, чем обусловлено, допустим, расторжение брака, где проживают бывшие супруги, какие поддерживают отношения. Кто

является матерью или отцом ребенка, почему не регистрируют брак. Практика показывает, что некоторые кандидаты, желая избежать потенциального конфликта интересов, фиктивно оформляют развод, не регистрируют брак. Эти обстоятельства способны умалить авторитет самого судьи, если его назначат, и судебной власти. В то же время нужно избегать излишних вопросов, которые не относятся к делу, но иногда протокол заседания ККС свидетельствует, что задавали вопросы вроде обо всем, но совсем не о том, что было потом мотивом для отказа в рекомендации.

Такие решения квалификационных коллегий уже сами по себе не способствуют повышению авторитета судебной власти. Решения и заключения должны быть хорошо мотивированы и отражать результаты голосования.

Не менее важно для укрепления авторитета судебной власти принятие законных и обоснованных решений по вопросам привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

Следует помнить, что органы судейского сообщества важнейшей задачей имеют защиту прав и интересов судей.

Недопустимо необоснованное привлечение к дисциплинарной ответственности, а взыскание должно быть соразмерным тяжести проступка. Сама формулировка закона о дисциплинарном проступке указывает на то, что главным является умаление авторитета судебной власти действием или бездействием судьи как при исполнении служебных обязанностей, так и вне службы. Квалификационные коллегии должны проверить все обстоятельства совершенного деяния и строго соблюдать процедуру и сроки привлечения к дисциплинарной ответственности.

Самой строгой, можно сказать, исключительной мерой является досрочное прекращение полномочий судьи. В Верховном Суде РФ есть Дисциплинарная коллегия, которая рассматривает в порядке административного судопроизводства жалобы на решения о досрочном прекращении полномочий судей.

Такой порядок являлся серьезной гарантией как от недостаточно обоснованного прекращения полномочий судьи, так и от «самоочищения» судебной власти от лиц, которые умалют ее авторитет. Именно то, что основное решение принимали квалификационные коллегии, показывало, что судебная система сама борется за то, чтобы судьями были только достойные этой высокой миссии.

Принятые дополнения в Конституцию Российской Федерации о том, что решение о прекращении полномочий значительной части судей за совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи, будет принимать Совет Федерации по представлению Президента РФ,

существенно ограничивают полномочия квалификационных коллегий и, по сути, лишают их важного способа обеспечения авторитета судебной власти. Проект федерального закона о внесении изменений в законы, регулирующие статус судьи и полномочия органов судейского сообщества, предполагает, что порядок внесения представлений в Совет Федерации будет определять сам Президент, в связи с этим остается надежда, что квалификационные коллегии будут как-то участвовать в подготовке соответствующих представлений. Законопроект содержит открытый перечень оснований для прекращения полномочий Советом Федерации. Наряду с совершением поступка, порочащего честь и достоинство судьи, названы такие основания: несоблюдение требований и ограничений, установленных законодательством о противодействии коррупции, прекращение гражданства РФ или получение вида на жительство другого государства, нарушение запрета хранить денежные средства в иностранных банках, занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи. Все основания, кроме порочащего поступка, носят формальный характер и при наличии соответствующих документов не требуют даже особого обсуждения.

Сложнее решать вопрос относительно порочащего поступка, поскольку это в известной степени оценочная категория, и необходимо установление как вины судьи, степени тяжести порочащего поступка, так и наступивших последствий в виде умаления судебной власти. Пока не ясен и вопрос, остается ли это формой дисциплинарной ответственности или это новый экстраординарный способ борьбы за авторитет судебной власти.

Квалификационные коллегии могут рассматривать этот вопрос и принимать рекомендательное решение. Но пока закон не принят, можно только высказывать предположения.

Завершая вопрос о роли квалификационных коллегий в обеспечении авторитета судебной власти, следует еще раз обратить внимание на деятельность самих коллегий. Это коллегиальный орган, где вопросы решаются большинством голосов, и каждый член коллегии так же, как и в суде при коллегиальном рассмотрении дел, должен признавать принятое решение. Представляется недопустимым, когда на заседание ВККС приезжает председатель ККС, но не с тем чтобы поддержать решение своей коллегии, а чтобы оказать поддержку лицу, которое обжаловало это решение. К сожалению, такой случай имел место. Не всегда принимают достаточно мотивированные решения, не проводят дополнительной проверки по фактам, которые вызывают сомнения, что, естественно, не способствует укреплению авторитета судебной власти.

Возможно, нас ждут и другие изменения относительно статуса судей, но, без сомнения, необходимо сохранение полномочий органов

судейского сообщества как уникального инструмента обеспечения функционирования судебной власти.

Список литературы

1. Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах: коллективная монография / И.А. Ракитская, М.А. Исаев, Ю.И. Лейбо и др.; под ред. К.В. Карпенко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. конституционного права. М.: МГИМО-Университет, 2017. 325 с.

2. Курбанов Р.А., Гурбанов Р.А. и др. Судебные системы Европы и Евразии. Научно-энциклопедическое издание. Т. 1. Западная и Северная Европа. М.: Проспект, 2018. 488 с.

3. Правосудие в современном мире: монография / В.М. Лебедев, Т.Я. Харбиева, А.С. Автономов и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2019. 784 с.

4. Соловьев А.А. Латиноамериканские модели организации и функционирования органов судейского сообщества. Аргентинская Республика и Мексиканские Соединенные штаты: монография; Московский гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2020. 177 с.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643; AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

ROLE OF THE QUALIFICATION OF JUDGES IN ENSURING THE AUTHORITY OF THE JUDICIAL POWER

L.V. Tumanova

Tver State University

The article is devoted to the formation of the judiciary and the powers of the qualification collegiums of judges. The authority of the judiciary is ensured by the personality of each judge, which is why competitive selection for judicial positions is so important. The principle of independence does not mean lack of responsibility.

Keywords: *judicial power, bodies of the judicial community, qualification collegiums of judges, the authority of the judiciary, the procedure for obtaining a recommendation for the position of a judge, requirements for a candidate for the office of a judge, disciplinary responsibility of judges.*

About the author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor the head of the Department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-cod: 8705-4643; AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Роль квалификационных коллегий судей в обеспечении авторитета судебной власти // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 84 – 92.

Вопросы истории государства и права

УДК 34:378

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ТВЕРСКОЙ ЖЕНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ П.П. МАКСИМОВИЧА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.093

Настоящая работа является третьим компонентом цикла статей, посвященных развитию историографии учительской школы П.П. Максимовича в Твери. Рассматриваются аспекты развития историографии учительской школы, в том числе в рамках научных форумов. Отдельным сюжетом настоящей статьи является рассмотрение научных работ, подготовленных для мероприятий, организованных в Тверском государственном университете в связи со 150-летним юбилеем со дня основания школы.

***Ключевые слова:** историография, Тверская область, Тверской государственный университет, история школы П.П. Максимовича, Академическая гимназия имени П.П. Максимовича ТвГУ.*

Настоящая статья завершает цикл историографических работ о Тверской женской учительской школе П.П. Максимовича. Он представлен в виде трех научных статей, две из которых уже вышли в свет [15, с. 142 – 150; 16, с. 92 – 99].

Основным сюжетом данной работы является рассмотрение научных исследований, осуществленных в течение последних десяти лет в рамках научных конференций, выставок и презентаций, организованных в значительной своей части в качестве юбилейных мероприятий. Речь идет о тех мероприятиях, которые были приурочены к юбилейным датам в истории учительской школы и ее основателя, включая 150-летие со дня создания школы Максимовича.

Данные мероприятия прошли в различных образовательных, научных и культурных центрах Тверской области. При этом ряд из них не был приурочен к юбилейным датам и представляет собой традиционную форму организации исследовательской работы.

Материалы об истории школы Максимовича содержатся в научных сообщениях, сделанных на конференциях, регулярно организуемых Тверским областным институтом усовершенствования учителей. Так, в 2013 г. ведущим научным сотрудником отдела инновационной педагогической практики ТОИУУ О.В. Савиновой был подготовлен сборник материалов IV Региональных педагогических краеведческих

чтений «История образования в Тверском крае», который включил в себя освещающие вопросы истории учительской школы публикации Л.Ю. Андреевой, Н.Н. Шепелевой и некоторые другие.

Вполне естественно, что основной базой научных мероприятий, посвященных истории школы Максимовича, в т. ч. юбилейных конференций, являлся и является Тверской государственный университет [20, с. 79 и след.].

Публикациями по истории Тверского государственного университета отмечен 2017 г. – год столетнего юбилея Тверского учительского института. Применительно к школе Максимовича в этих работах рассматриваются два основных сюжета: последние годы существования школы и преемственность педагогического арсенала школы и учительского института. В качестве примера автор может привести собственную публикацию [18, с. 110 – 121].

Стопятидесятилетие со дня основания учительской школы П.П. Максимовича, ставшее крупным событием в истории Тверского государственного университета и системы образования Тверской области, является поводом для активизации научных исследований. В течение конца 2019 г. и всего 2020 г. в университете на базе различных структурных подразделений был проведен ряд научных форумов по истории учительской школы. В свет вышло немало публикаций, обогативших историографию школы.

В ТвГУ координирующим органом юбилейных мероприятий стала комиссия во главе с и.о ректора Л.Н. Скаковской и помощником ректора Ю.Д. Орловым. Активную роль в организации юбилейных мероприятий играет ассоциация выпускников университета во главе с президентом ассоциации выпускников ТвГУ В.Л. Пленкиным, вице-президентом В.Д. Марковой и Ю.Д. Орловым.

Выставки и презентации вызывают интерес не только у научной общественности, но и значительного числа представителей различных категорий населения Тверской области. Активную деятельность по популяризации научных исследований по истории школы Максимовича ведут коллективы Тверской областной универсальной научной библиотеки имени А.М. Горького, Научной библиотеки и исторического факультета Тверского государственного университета и других научных, учебных и культурных центров Тверского Верхневолжья. Некоторые мероприятия проводятся благодаря совместным усилиям названных структур. Так, в феврале 2020 г. в Тверской областной библиотеке была открыта посвященная 150-летнему юбилею школы П.П. Максимовича выставка «Женщине дорогу!», подготовленная кафедрой социально-культурного сервиса и Научной библиотекой университета [4].

Осуществляемые в ходе организации названных форумов публикации являются вкладом в развитие историографии школы П.П. Максимовича. В частности, в последние годы благодаря усилиям О.В. Вершининой, Т.А. Ильиной, О.К. Ермишкиной и их коллег из ТвГУ информационные материалы, подготовленные к указанным выше мероприятиям, в силу высокого научного уровня проделанной работы, получают характер научно-популярных и научных трудов. В качестве примера можно привести каталоги ряда выставок [7; 23].

Осенью 2019 г. – весной 2020 г. студентами исторического факультета университета под руководством заместителя декана О.К. Ермишкиной была подготовлена выставка для размещения на базе Академической гимназии. Указанная выставка посвящена одной из важнейших тем – теме взаимоотношения учителей и учеников, теме передачи социального опыта, теме поддержки педагогами юных талантов. Выбор площадки для проведения выставки представляется символическим. Академическая гимназия является структурой Тверского государственного университета; с 2016 г. по решению ученого совета университета она носит имя П.П. Максимовича [17, с. 205]. Одной из важнейших функций гимназии как раз и является поддержка юных талантов Тверской области.

В силу воздействия внешних обстоятельств церемония открытия выставки была отложена и состоялась сентябре 2020 г. На ней, в частности, было презентовано издание [21]. Оно содержит материалы, посвященные истории школы Максимовича, включая очерк о роли и развитии педагогических традиций школы, описание материалов выставки и ряд эксклюзивных источников по истории школы.

К комплексу трудов, составляющих историографию школы П.П. Максимовича, примыкают работы, формально не являющиеся частью данного комплекса, но содержащие характеристики системы образования России, законодательства об образовании второй половины XIX – первых двух десятилетий XX в., роли образования в профессиональной деятельности различных категорий населения, социальной среды, в которой функционировала учительская школа, в отдельных случаях – характеристику деятельности П.П. Максимовича, администраторов и педагогов школы вне сферы педагогической деятельности, например на общественном поприще [3; 6; 8; 10, с. 300 – 303; 11 – 14; 19; 22].

Так, в своем обстоятельном диссертационном исследовании С.Г. Куликова рассмотрела, в числе других тем, деятельность уездных и губернских земств, в т.ч. тверского, по развитию образования крестьян. В частности, диссертант приводит полемику среди земских деятелей по вопросу о женском образовании в крестьянской среде. Многие консервативно настроенные земцы, включая земцев Тверской губернии,

выступали против школьного образования крестьянских девочек под предлогом угрозы женскому организму и падения нравственности. Земские деятели из Московского губернского земства полагали, что «народ будет недоверчиво смотреть на молоденьких учительниц» [9, с. 398]. Одновременно, приводя статистику по состоянию на начало XX в., автор отмечает, что Тверская губерния занимала 8-е место среди 44 губерний Европейской России по уровню грамотности [9, с. 410]. Мы можем предположить, что определенная заслуга в достижении относительно неплохих показателей была и у коллектива учительской школы П.П. Максимовича. В диссертации упоминается деятельность Ф.Ф. Ольденбурга по составлению планов развития сети учебных заведений Тверской губернии [9, с. 408].

Е.С. Данович продолжает разработку темы деятельности тверских земских учреждений в сфере народного просвещения. В диссертационном исследовании она рассматривает деятельность ряда работников учительской школы в аспекте их общественно-просветительской работы в качестве представителей земских учреждений. П.П. Максимовича исследователь характеризует как представителя старшего поколения земцев, создавших саму «сферу деятельности» земских учреждений [5, с. 16]. В диссертации рассмотрена также педагогическая концепция и профессиональная деятельность Ф.Ф. Ольденбурга [6]. Т.А. Бархатова исследует тематику развития внешкольного образования в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [3].

В.Ф. Абрамов рассматривает историю деятельности земств по поддержке народного просвещения, характеризует организацию земской статистики народного образования, рассматривает другие вопросы [1; 2]. Правительственную политику в сфере начального образования крестьян и предлагаемые общественностью модели организации начальной крестьянской школы исследует А.П. Романов [14].

Подытоживая характеристику этапа 1991 – 2020 гг. как периода в развитии историографии Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича, мы констатируем резкий рост числа публикаций. При этом необходимо указать на качественный и количественный рост соответствующей исследовательской деятельности. В определенной мере прослеживается влияние на динамику публикационной активности юбилейных событий, связанных с историей университета и, в частности, с ее первыми, «школьными» этапами. В качестве яркого примера мы приводим публикации, подготовленные в связи с празднованием 150-летия со дня основания школы П.П. Максимовича.

Произошло дальнейшее укрепление источниковой базы научной работы; в научный оборот были введены новые источники. Авторы

осветили целый ряд интересных тем, не подвергшихся исследованию в предшествующие периоды развития историографии школы. Были решены некоторые вопросы, в т. ч. касающиеся биографии основателя учительской школы.

Одновременно мы должны констатировать крайне незначительное число работ правового и экономического формата. Дефицит таких работ, образовавшийся еще в девятнадцатом столетии, так и не ликвидирован вплоть до настоящего времени.

Список литературы

1. Абрамов В.Ф. Земство, народное образование и просвещение: [История развития земской народной школы во второй половине XIX — начале XX в. в России] // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 44 – 60.
2. Абрамов В.Ф. Земская статистика народного образования. 1996. С. 83 – 87 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/087/911/1216/12Abramov.pdf>
3. Бархатова Т.А. Внешкольное образование в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2007. 210 с.
4. Выставочный проект «Женщине дорогу!» [Электронный ресурс]. URL: <https://tverlife.ru/lenta/v-tveri-projdet-vystavka-posvjashhennaja-150-letiju-shkoly-maksimovicha/>
5. Данович Е.С. Тверские земцы и народное просвещение: 1865 – 1917: идеалы и реальность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 20 с.
6. Данович Е.С. Тверские земцы и народное просвещение: 1865 – 1917: идеалы и реальность: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 415 с.
7. Женщине дорогу! Каталог фотовыставки к 150-летию Школы П. П. Максимовича / сост. Д.Н. Воробьев, О.К. Ермишкина, Т.А. Ильина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. 62 с.
8. Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Из истории тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944). Тверь, 1990.
9. Куликова С.Г. Консерваторы и земство: социально-экономическая деятельность. 1864 – 1914 гг. (на материалах Тверской и Московской губерний): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 730 с.
10. Куликова С.Г. Роль и место женщины в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв. глазами консерваторов // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова, А.Д. Попова. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2014. Т. 1. 560 с.
11. Лещенко И.Н. Потомственное дворянство в условиях пореформенной России (на материалах Тверской губернии): дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 201 с.
12. Любина Т.И., Смирнов С.Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: правовой статус

и социокультурная характеристика: монография / ред. Н.В. Михайлова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 248 с.

13. Патов Н.А. Генезис и содержание мировоззренческой подготовки студентов в отечественных университетах (XVII – XX вв.): дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005. 366 с.

14. Романов А.П. Начальное образование русского крестьянства в последней четверти XIX — начале XX века: Официальная политика и общественные модели: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003. 235 с.

15. Смирнов С.Н. Вопросы развития историографии Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича в 1870 – 1991 годах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 142 – 150.

16. Смирнов С.Н. Вопросы развития историографии Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича в 1991 – 2020 годах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 3 (63). С. 92 – 99.

17. Смирнов С.Н. Нормативная база и организационные ресурсы деятельности Тверского государственного университета по образовательной поддержке одаренных и высокомотивированных школьников Тверской области: опыт работы и новые проекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 4. С. 201 – 209.

18. Смирнов С.Н. Создание Тверского учительского института в 1917 году: к вопросу о юридической характеристике этапа истории Тверского государственного университета // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 2. С. 110 – 121.

19. Стаценко А.С., Чукаева М.В. Педагогические традиции российской школы и современное образование // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 1. С. 84 – 88.

20. Традиции российской школы: история и современность: (К 130-летию Твер. земской учит. шк. им. П. П. Максимовича): материалы юбил. науч.-метод. конф. Тверь, 1 дек. 2000 г.) / Сост. и отв. ред. Т.А. Ильина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 79 с.

21. Учитель продолжается в своих учениках: к 150-летию Школы П.П. Максимовича: юбилейное издание / сост. О.К. Ермишкина, Е.А. Макарова, С.Н. Смирнов. Тверь: Тверской государственный университет, 2020.

22. Ушинский К.Д. Собрание сочинений / ред. кол.: А.М. Еголин (гл. ред.), Е.Н. Медынский, В.Я. Струминский. М.-Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948.

23. Хранители прошлого: каталог фотовыставки к 150-летию Школы П. П. Максимовича / сост. Д.Н. Воробьев, О.К. Ермишкина, Т.А. Ильина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. 68 с.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: smirnov-sn@yandex.ru

**SOME ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE HISTORIOGRAPHY
OF TVER TEACHER'S SCHOOL FOR WOMEN NAMED AFTER
P.P. MAKSIMOVICH AT THE MODERN STAGE**

S.N. Smirnov

Tver State University

This work is the third component of a series of articles devoted to the development of the historiography of the teacher's school of P.P. Maksimovich in Tver. The aspects of the development of the historiography of the teacher's school are considered here, including the examination within the framework of scientific forums. A separate plot of this article is the consideration of scientific papers prepared for events organized at Tver State University regarding the 150th anniversary of the foundation of the school.

Keywords: *historiography, Tver region, Tver State University, history of school named after P.P. Maksimovich, Academic Gymnasium named after P.P. Maksimovich TvSU.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, email: smirnov-sn@yandex.ru

Смирнов С.Н. Некоторые аспекты развития историографии Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича на современном этапе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 93 – 99.

Обзор и анонсы научных мероприятий

УДК 347.9

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

О.В. Жукова, Н.О. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.100

В статье представлены основные тезисы выступлений участников межрегиональной научно-практической конференции, посвященной принятию Кодекса административного судопроизводства РФ. Авторами проведен сравнительный анализ практики рассмотрения Верховным Судом РФ административных дел с момента начала действия нового законодательства об административном судопроизводстве.

Ключевые слова: административное судопроизводство, защита публичных интересов.

6 ноября 2020 г. состоялась онлайн межрегиональная научно-практическая конференция «Перспективы развития административного судопроизводства в России», посвященная 5-летию с момента принятия Кодекса административного судопроизводства РФ.

Организаторами конференции выступили кафедра судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета и Заволжский районный суд г. Твери.

В работе конференции приняли участие преподаватели и студенты юридического факультета, представители судейского и адвокатского сообщества из Твери, Тамбова, Крыма, Татарстана и Санкт-Петербурга.

К участникам научно-практической конференции с приветственным словом обратился соорганизатор конференции Дмитрий Александрович Иванов, заместитель председателя Заволжского районного суда г. Твери. Дмитрий Александрович пожелал всем плодотворной работы и высказал надежду, что опыт, которым во время конференции участники смогут поделиться, будет для всех полезен.

Модератор конференции Лидия Владимировна Туманова, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ТвГУ, в своем вступительном слове отметила, что защита публичных интересов, административное судопроизводство, споры

гражданина с властью и судебный контроль за деятельностью власти – это наиболее сложная сфера. «К счастью, мы имеем сейчас самостоятельный кодекс (Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации – КАС РФ), которым пользуются судьи, – отметила в своем вступительном слове Лидия Владимировна, – конечно, нет пределов совершенству, поэтому мы так и назвали свою конференцию».

Ежегодно Верховным Судом РФ публикуются обзоры статистических данных о рассмотрении административных дел. Эти обзоры содержат сведения о рассмотрении исковых заявлений, жалоб и представлений Судебной коллегией по административным делам в первой инстанции; в апелляционной инстанции в судебном заседании; пересмотр в кассационной инстанции по административным делам жалоб и представлений на судебные акты; в надзорной инстанции надзорных жалоб (представлений).

Так, например, в первом полугодии 2020 г. Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ рассмотрено в первой инстанции 422 административных исковых заявления; в апелляционной инстанции в судебном заседании – 109 административных дел; в кассационной инстанции по административным делам – 2 408 жалоб и представлений на судебные акты по административным делам, в судебном заседании рассмотрено 176 административных дел; в надзорной инстанции – 351 надзорная жалоба (представление).

На диаграммах представлена динамика рассмотрения Верховным Судом РФ административных дел за период действия КАС РФ с 2015 по 2019 г.¹ (см. рисунок).

¹ Данные представлены на официальном сайте Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/statistics/>

Рис. Динамика рассмотрения административных дел за 2015 – 2019 гг.

Практика рассмотрения административных дел за 2017 – 2020 гг. Тверским областным судом, районными (межрайонными, городскими), мировыми судьями Тверской области представлена в таблицах (см. таблицы 1 – 3)².

Таблица 1

Практика рассмотрения административных дел в Тверской области

		всего окончено дел			
		2017 г.	2018 г.	2019 г.	6 м. 2020 г.
1.	Мировые судьи	29640	32562	46593	34331
2.	Межрайонные, районные, городские суды	4947	5625	6020	3332
3.	Областной суд	131	177	153	68
4.	Итого	34718	38364	52766	37730

² Данные представлены Судебной коллегией по административным делам Тверского областного суда.

Таблица 2

Практика рассмотрения административных дел районными
(межрайонными, городскими) судами

	Главы КАС РФ	всего окончено дел			
		2017 год	2018 год	2019 год	6 м. 2020 года
1.	Глава 21. Производство по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами	11	10	10	6
2.	Глава 22. Производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих	2264	2228	1783	850
3.	Глава 24. Производство по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации	8	33	20	1
4.	Глава 26. Производство по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок	-	1	-	-
5.	Глава 27. Производство по административным делам о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения, другого общественного объединения, религиозной и иной некоммерческой организации, либо о запрете деятельности общественного объединения или религиозной организации, не являющихся юридическими лицами, либо о прекращении деятельности средств массовой информации, либо об ограничении доступа к аудиовизуальному сервису	94	99	49	18
6.	Глава 28. Производство по административным делам о помещении иностранного	124	137	156	119

	гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении				
7.	Глава 29. Производство по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	980	1022	929	480
8.	Глава 30. Производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке	108	107	75	26
9.	Глава 31. Производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке	3	3	51	-
10	Глава 31.1. Производство по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни	-	-	1	-
11	Глава 32. Производство по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций	1022	1209	1499	525

Таблица 3

Практика рассмотрения административных дел мировыми судьями
Тверской области

	О взыскании денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций с физических лиц (глава 32, в т.ч. рассматриваемые в порядке главы 11.1 КАС РФ)	всего окончено дел			
		2017 год	2018 год	2019 год	6 м. 2020 года
1.	О взыскании налогов и сборов	29037	31706	45777	33481
2.	О взыскании взносов в Пенсионный Фонд Российской Федерации		113	95	2

3.	О взыскании взносов в Фонд социального страхования	295	3	1	1
4.	О взыскании взносов в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования		5	6	1
5.	О взыскании таможенных сборов	6	3	131	284
6.	Прочие о взыскании обязательных платежей и санкций (глава 32, в т.ч. рассматриваемые в порядке главы 11.1 КАС РФ)	302	732	583	562
	Итого	29640	32562	46593	34331

Открыл конференцию Борис Райкес, канд. юрид. наук, председатель Совета судей Тверской области, председатель судебной коллегии по административным делам Тверского областного суда, который остановился на перспективах административного судопроизводства в части особенностей правоприменительной практики по оспариванию нормативных актов. В конце выступления Борис Самуилович выразил надежду всех административистов: «Эта мечта заключается в разработке закона об административных процедурах. Принятие данного закона обусловлено прежде всего тем, что административное судопроизводство тесно связано с административным правом, а точнее, с комплексом нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов государственной власти. Принятие этого закона позволит решить две задачи: повышение эффективности деятельности самих государственных органов, а также уровня судебной защиты прав и законных интересов».

Наталья Бурашникова, председатель Совета судей Тамбовской области, заместитель председателя Тамбовского областного суда, остановилась на особенностях судебного контроля за недобровольным медицинским вмешательством в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. По мнению Натальи Анатольевны, нуждаются в судебном контроле вопросы применения мер медицинского вмешательства противоэпидемического характера, направленных на пресечение массового распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, таких, как COVID-19, атипичная пневмония, лихорадка Эбола и др. Распространение данных заболеваний в современном мире, характеризующемся процессами глобализации и активного социального взаимодействия, является крайне опасным для общества и требует проведения противоэпидемических мероприятий, включающих лабораторное обследование, медицинское наблюдение, госпитализацию, изоляцию и иные меры медицинского вмешательства. Важность и актуальность данных вопросов особенно высветилась в

период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, когда применение противоэпидемических медицинских мер приобрело массовый характер, и при этом не все граждане добросовестно, с должной мерой социальной ответственности отнеслись к выполнению обязанностей, предписанных им в целях борьбы с эпидемией. Имели место случаи отказов граждан, больных COVID-19, либо лиц, контактных с больными, от применения необходимых мер медицинского вмешательства, что несло в себе угрозу здоровью неопределенного круга лиц. При таких обстоятельствах, учитывая, что у санитарных врачей не имеется полномочий по принудительному исполнению постановлений о применении мер медицинского вмешательства, единственным выходом из ситуации стало рассмотрение вопроса о недобровольном медицинском вмешательстве судом.

В заключение Наталия Бурашникова отметила, что необходимость установления в порядке административного судопроизводства судебного контроля за принудительным осуществлением различных видов медицинского вмешательства (включающих медицинское обследование, амбулаторное лечение и т. д.) подтверждена и судебной практикой, которая в данном случае носит опережающий характер.

Подробно проанализировала процессуальные особенности рассмотрения споров о защите избирательных прав и права на участие в референдуме, а также высказала предложения о перспективах развития законодательства по данной категории дел Татьяна Шкляр, канд. юрид. наук, заместитель Председателя Верховного Суда Республики Крым. Она отметила, что одной из наиболее эффективных мер по обеспечению реализации конституционных гарантий права на выборы является их судебная защита в порядке административного судопроизводства посредством разрешения административных споров между субъектами избирательных правоотношений. В выступлении были затронуты процессуальные особенности рассмотрения споров о защите избирательных прав и права на участие в референдуме, которые имеют определенную специфику, обусловленную природой материальных правоотношений, возникающих в рамках избирательной кампании. Положениями гл. 24 КАС РФ установлены особенности рассмотрения судами административных дел о защите избирательных прав, которые являются специальными и имеют приоритет над общими правилами, установленными КАС РФ. Такая форма процессуальных отношений, с одной стороны, является отражением специфики избирательного процесса и быстротечности избирательной кампании, с другой стороны, позволяет эффективно осуществлять защиту конституционных прав избирать и быть избранным субъектов избирательного права, обеспечивая общественную стабильность.

Продолжил дискуссию Алексей Кириллов, судья Арбитражного суда Республики Татарстан, который рассмотрел особенности применения антимонопольного регулирования в исполнительном и конкурсном производстве. По мнению Алексея Евгеньевича, рассмотрение дел в судах происходит под возрастающим влиянием двух существенных факторов: цифровизации экономики и реформирования судебной системы, повышения ее эффективности и транспарентности. Происходящие изменения имеют своей целью сделать правосудие открытым, свободным от недоверия со стороны общества, судебную практику стабильной и последовательной. Большую роль в этом процессе играет внедрение достижений технического прогресса – создание системы электронного правосудия, включающей публикацию всех судебных актов, а в перспективе всех судебных документов в сети Интернет, аудиопротоколирование, проведение судебных заседаний в режиме видеоконференцсвязи, подачу исков и заявлений при помощи сети Интернет.

Особенный интерес вызвало выступление судьи 1-го Западного окружного военного суда, председателя административной коллегии Евгения Лазарева, который проанализировал особенности рассмотрения административных дел военными судами, а также высказал свои предложения по изменению законодательства об административном судопроизводстве.

Выступление Дмитрия Иванова, канд. юрид. наук, заместителя председателя Заволжского районного суда г. Твери, было посвящено проблемам закрепления процессуального статуса и прав лиц, участвующих в делах о помещении несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к юридической ответственности, в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. В своем докладе Дмитрий Александрович отметил, что вопрос о необходимости процессуального регулирования дел названной категории в целях обеспечения надлежащей защиты прав несовершеннолетних и одновременно публичного интереса в условиях их тесной связи в рассматриваемом случае с семейными правоотношениями и мерами принуждения, ограничивающими свободу и личную неприкосновенность, достаточно длительное время является предметом обсуждения. Поскольку система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения, контрольная роль суда в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, хоть и ограничивается, по сути, предметами

рассмотрения конкретных дел, представляется достаточно значимой в названной сфере, ввиду чего актуальны и вопросы надлежащего процессуального оформления статуса и прав участников таких дел.

Отдельным вопросам, возникающим в судебной практике по административным делам в ходе реализации принципов исполнительного производства, было посвящено выступление Вероники Замрий, судьи Заволжского районного суда г. Твери.

В заключительном выступлении Лидия Владимировна Туманова остановилась на некоторых процессуальных вопросах административного судопроизводства.

Административное судопроизводство, хотя и было закреплено в Конституции РФ 1993 г., но получило свое самостоятельное законодательное регулирование только в 2015 г. КАС РФ воспринял основные положения гражданского и арбитражного процессов, но при этом закрепил и достаточно много новых положений, а также структурно отличается от других процессуальных кодексов. Хотя административное судопроизводство в известной степени основано на производстве из публичных правоотношений, которое было одним из видов гражданского процесса, очевидна серьезная потребность в научном осмыслении его положений, а главное, в выработке практических рекомендаций. Процесс формирования административного судопроизводства продолжается. В КАС РФ появляются новые категории дел, и, кроме того, по правилам административного судопроизводства рассматриваются дела, которые прямо не указаны, но имеют публично-правовую природу и обусловлены необходимостью судебного контроля за осуществлением основных прав и свобод.

Подводя итоги конференции, участники высказали надежду на продолжение и в дальнейшем обсуждения перспектив развития административного судопроизводства.

Об авторах:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: olesyazh@mail.ru

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 3865-1541; AuthorID: 1065615; e-mail: ogarkova_n@mail.ru

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE
COURT PROCEEDINGS IN RUSSIA (BASED ON MATERIALS
OF THE INTERREGIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE)**

O.V. Zhukova, N.O. Ogarkova

Tver State University

The article presents the main theses of the participants of the interregional scientific and practical conference on the adoption of the Code of administrative procedure of the Russian Federation. The authors have conducted a comparative analysis of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation in considering administrative cases since the beginning of the new legislation on administrative proceedings.

Keywords: *administrative proceedings, protection of public interests.*

About authors:

ZHUKOVA Olesya Vitalevna – PhD, assistant professor of the department of judicial power and law enforcement affairs Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: olesyazh@mail.ru

OGARKOVA Natalia – senior lecturer in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33); SPIN-code: 3865-1541; AuthorID: 1065615; e-mail: ogarkova_n@mail.ru

Жукова О.В., Огаркова Н.О. Перспективы развития административного судопроизводства в России (на основе материалов межрегиональной научно-практической конференции) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 100 – 109.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.91

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПРИ ЗАЩИТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА

В.М. Андрианов

ФКГОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»,
г. Москва

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.110

Актуальность исследования обусловлена активизацией на международном уровне деятельности, связанной с защитой коллективных и групповых интересов, о чем свидетельствует целый ряд принятых международных актов. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость введения соответствующих механизмов в национальную правовую систему. В статье предпринята попытка обратить внимание на особенности предоставления правовой помощи при защите общественного интереса, опираясь на зарубежный опыт. С учетом анализа научной литературы автор делает вывод, что на доктринальном уровне сформировалось два подхода к пониманию правовой категории «право общественного интереса»: широкий и узкий. Также указывается на необходимость решить ряд вопросов практического характера: определить субъектов, уполномоченных на ее предоставление, включая формы подтверждения их полномочий, а также лиц, имеющих право на ее получение и урегулировать особенности несения судебных расходов.

Ключевые слова: *общественный интерес, правовая помощь, правосудие, защита гражданских прав и законных интересов, коллективные и групповые интересы.*

Доступность правосудия и эффективная защита гражданских прав зависят от реальной, беспрепятственной возможности каждого обратиться в суд и возбудить соответствующее производство. Однако не каждый обладает достаточными для этого возможностями, а иногда самостоятельное отстаивание своих нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов вообще невозможно из-за специфичности объекта такой защиты, в частности, если речь идет об общественном интересе. Его можно найти в делах, связанных с предоставлением жилищно-коммунальных или образовательных услуг, защитой окружающей среды или прав потребителей, а также участием в долевом строительстве и т. п. В связи с чем целесообразно остановиться на особенностях предоставления правовой помощи при защите общественного интереса.

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что на доктринальном уровне сформировалось два подхода к пониманию правовой категории «право общественного интереса»: широкий и узкий.

Сторонники широкого взгляда, к коим мы относим и себя, связывают его с определенным институтом, совокупностью норм, регулирующих представительство недостаточно представленных или вообще не представленных интересов (то есть в случаях, когда обеспечить персональное участие в рассмотрении дела всех участников, интересы которых нарушены, невозможно ввиду их большого количества или отсутствия возможности установить их количественный состав), а также представление интересов лиц, которые, по определенным причинам, не могут себя защитить самостоятельно (оказание правовой помощи бесплатно или по сниженным тарифам).

Сторонники другой точки зрения сводят право общественного интереса лишь к защите коллективных и/или групповых интересов, т. е. прав и законных интересов не конкретного лица, а интересов всего общества в целом или его части вместе с интересами отдельных лиц, как определенных членов общества или определенной обособленной многочисленной группы лиц, персональный состав которой не всегда можно идентифицировать.

Необходимо отметить, что сегодня на международном уровне активизировалась деятельность, связанная с защитой коллективных и групповых интересов, о чем свидетельствует целый ряд принятых актов, среди которых следует выделить:

– Директиву Европейского Парламента и Совета 2005/29/ЕС от 11 мая 2005 г. о нечестных коммерческих бизнес-практиках на внутреннем рынке по отношению к потребителю и изменяющую Директиву Совета 84/450/ЕЕС, Директиву 97/7/ЕС, 98/27/ЕС и 2002/65/ЕС Европейского Парламента и Совета и Регламент (ЕС) 2006/2004 Европейского Парламента и Совета;

– Зеленую книгу от 19.12.2005 г. (СОМ (2005) 672) и Белую книгу от 27.11.2008 г. (СОМ (2008) 794) по искам о возмещении вреда, причиненного нарушением антимонопольных правил ЕС;

– Резолюцию Европейского Парламента от 2 февраля 2012 г. «К последовательному европейскому подходу к коллективной защите прав» (2011/2089(INI)) и др.

Итак, вышеизложенное обуславливает необходимость введения соответствующих механизмов в национальную правовую систему, иначе говоря, их закрепление в рамках гражданского процессуального законодательства. Однако для этого необходимо решить ряд вопросов практического характера, связанных с проблемами обеспечения правовой помощи, в частности, определить субъектов, уполномоченных на ее предоставление, включая формы подтверждения их полномочий, а

также лиц, имеющих право на ее получение, и урегулировать особенности несения судебных расходов.

Так, на основании зарубежного опыта можно выделить несколько субъектов, имеющих право на обращение в суд с исками в защиту общественного интереса, а именно: уполномоченные специальные органы государственной власти, специально созданные общественные организации, одно или несколько физических лиц, обращающихся от собственного имени, но для защиты общественного интереса. К примеру, в Англии в суд с иском об установлении судебного запрета на размещение рекламы, вводящей в заблуждение потребителей, может обратиться Генеральный директор по надзору за торговлей (Director General of Fair Trading). В Швеции действует специальный Омбудсмен по делам потребителей (Consumer Ombudsman), а также Шведское агентство по охране окружающей среды (Swedish Environmental Protection Agency). Интересен опыт Французской республики, где в так называемых совместных представительских исках (The Joint Representative Action) в защиту прав потребителей могут обращаться только уполномоченные национальные некоммерческие ассоциации потребителей.

На наш взгляд, учитывая положения Рекомендации Европейской Комиссии (2013) 3539/3 об общих принципах и механизмах для коллективных исков по прекращению нарушений и коллективных исков о компенсации, связанных с нарушениями прав, предоставляющих в соответствии с законодательством Европейского союза в случае нарушения прав, гарантированных в соответствии с правом Союза, право на обращение в суд за защитой общественного интереса крайне гармонично закреплено в настоящее время за некоторыми субъектами, определенными в ст. 45, 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ, а именно: прокурором, органами государственной власти, органами местного самоуправления и специально созданными для этого общественными организациями. Нам также представляется разумным предусмотреть такое право и за адвокатами, которые входят в адвокатские образования и имеют соответствующую квалификацию в предоставлении правовой помощи в указанной сфере.

При этом, если иск в защиту общественного интереса предъявлен адвокатом, который входит в адвокатское образование, он должен предоставить в суд договор о предоставлении правовой помощи, который может быть многосторонним или двусторонним, для подтверждения своих полномочий.

Указанные выше субъекты также должны предоставлять в суд доказательства, констатирующие наличие общественного интереса, т. е. этими доказательствами могут удостоверяться факты:

- во-первых, нарушения именно такого интереса;
- во-вторых, существование определенной, количественной численности лиц;
- в-третьих, общего материально-правового требования, вытекающего из однородных правоотношений.

Касательно определения круга лиц, имеющих право получить защиту через обращение к вышеприведенным субъектам, в литературе существует множество мнений. Однако, по нашему убеждению, целесообразнее применять дифференцированный подход в зависимости от категории дел. В частности, по делам, в которых общественный интерес проявляется в виде «общественного интереса», т. е. по сути имеет большое общественное значение, например, защита окружающей среды, следует предусмотреть наличие хотя бы двух человек, которые связаны общностью интереса. В других категориях дел, например, по защите прав потребителей и т. п., установить минимальную численность в количестве семи человек, материально-правовые требования которых возникают из однородных правоотношений и по одному и тому же предмету спора.

В заключение нужно урегулировать вопросы, связанные с судебными издержками. Неплохо было бы воспользоваться иностранным опытом и закрепить на законодательном уровне возможность для третьего лица выступать в роли так называемого «финансиста» или «коммерческого спонсора», участвующего в гражданском судопроизводстве на стороне «истца». Иными словами, указанным третьим лицом может выступать организация или физическое лицо, которое берет на себя обязательства нести все судебные издержки по делу в обмен на определенную сумму в случае положительного решения дела.

В качестве примера: адвокат, состоящий в адвокатском образовании, обращаясь в суд с иском в защиту общественного интереса, самостоятельно уплачивает судебный сбор. А в случае выигрыша дела он вправе требовать выплатить ему дополнительную сумму или проценты как некую «компенсацию за риск», т. е. отдельно от судебных расходов (как судебного сбора, так и расходов на правовую помощь). В противном случае указанный субъект должен возместить другой стороне понесенные судебные расходы. Это позволит совместить в одном лице и финансистов, и специалистов в области права, а также стимулировать таких адвокатов способствовать защите общественного интереса. В случае, если в суд в защиту последнего обращается орган государственной/муниципальной власти или специальная общественная организация, они должны быть освобождены от уплаты судебного сбора. При этом в случае выигрыша дела они могут получить определенную компенсацию за свой труд.

Однако при отрицательном решении лица, обратившиеся за защитой к указанным субъектам, должны пропорционально оплатить расходы на правовую помощь противоположной стороне. На этот случай должны создаваться резервные фонды из средств лиц, чей общественный интерес нарушен.

Таким образом, развитие закрепления в положениях Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации возможности предоставления правовой помощи в форме обращения в суд в защиту общественного интереса позволит эффективно и беспрепятственно защищать права, свободы или законные интересы не только индивидуально определенных лиц, но и их определенных объединений или групп, а также будет способствовать доступу к правосудию по гражданским делам.

Об авторе:

АНДРИАНОВ Владимир Михайлович – соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФКГОУВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя» (Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 12); e-mail: avm@mail.ru

SEPARATE ISSUES OF PROVIDING LEGAL ASSISTANCE IN PROTECTING THE PUBLIC INTEREST

V.M. Andrianov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The relevance of the study is due to the activation at the international level of activities related to the protection of collective and group interests, as evidenced by a number of adopted international acts. This circumstance necessitates the introduction of appropriate mechanisms into the national legal system. The article attempts to draw attention to the specifics of providing legal assistance in protecting public interest, based on foreign experience. Taking into account the analysis of scientific literature, the author concludes that at the doctrinal level, two approaches to understanding the legal category of «public interest law» have been formed: broad and narrow. It also points to the need to resolve a number of practical issues: to determine the entities authorized to provide it, including the forms of confirmation of their powers, as well as persons entitled to receive it and to settle the peculiarities of incurring legal costs.

Keywords: *public interest, legal aid, justice, protection of civil rights and legitimate interests, collective and group interests.*

About author:

ANDRIANOV Vladimir – Applicant for the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, Moscow, Academician Volgin st., 12); e-mail: avm@mail.ru

Андрианов В. М. Отдельные вопросы предоставления правовой помощи при защите общественного интереса // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 110 – 115.

УДК 347.6

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЧЛЕН СЕМЬИ»: МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПОДХОД

Р.Е. Телегин

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.116

Действенные механизмы разрешения семейных конфликтов, потенциально возможных в рамках каждой семьи, способствуют созданию оптимальных условий для реализации государственной семейной политики. Объектом исследования выступают правовые отношения, возникающие в связи с определением понятия «член семьи». Цель статьи состоит в обосновании и формулировании дефиниции «член семьи». В статье использовались диалектико-материалистический метод, анализ, системный подход, догматико-юридический, правовое моделирование. Предложен авторский подход к пониманию дефиниции «член семьи», основанный на положениях отраслевого законодательства и данных судебной практики. Автор приходит к выводам о необходимости легализации понятия «член семьи» как социального и правового феномена.

Ключевые слова: семья, член семьи, межотраслевой подход, эффективность правового регулирования, родственники.

Государство, провозгласившее презумпцию традиционных семейных ценностей, основанных на браке между мужчиной и женщиной, не может поддерживать иные формы сожителства, однако не может и лишить защиты имущественных прав лиц, состоящих в таком союзе (отношениях), что приводит к поиску и разработке новых универсальных правовых инструментов, способных оперативно реагировать на имеющиеся и потенциальные изменения способов формирования семьи. Юридическое значение для понимания семьи как объекта правовой охраны и государственной семейной политики, создания механизма эффективной защиты имеет определение, в том числе и легальное, дефиниции «член семьи». Мы не согласны с мнением С.М. Корнеева, который утверждал, что невозможна выработка универсального, единого понятия «член семьи» [6, с. 458]. Именно понимание того, кто образует семью, должно являться основополагающим для целей правового регулирования и защиты.

Е.Ю. Бакирова, исследуя понятие «член семьи» с позиций жилищного и семейного законодательства, приходит к выводу, что «определение понятия члена семьи – одна из необходимых предпосылок защиты прав и охраняемых законом интересов участников

правоотношений, вытекающих из родства, брака, принятия детей на воспитание» [5]. Р.П. Мананкова в труде «Правовые проблемы членства в семье» под членом семьи понимает физическое лицо, связанное с семьей как с малой социальной группой браком, родством, усыновлением или иной формой принятия детей на воспитание, общностью жизни, а также семейными права и обязанностями. Если отсутствует хотя бы один признак такого субъекта, отнести его к члену семьи невозможно [8, с. 23 – 25].

В научной литературе условно выделяется узкий и широкий круг членов семьи [7, с. 43]: к узкому кругу относятся супруги, родители и дети, а более широкий круг образуют другие родственники и члены семьи, свойственники и другие лица. Из буквального толкования содержания нормы ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) можно сделать вывод, что члены семьи – это супруги, родители (усыновители) и дети (усыновленные). При этом не имеет значения, ведут они общее хозяйство или нет. Так, отказывая в удовлетворении требований Н. и Ш. о признании Ш.В.В. и Ш.С.И. одной отдельной семьей, состоящей из двух человек, признании Н., ее супруга и детей одной отдельной семьей из пяти человек, суд указал: «Истцы по отношению друг к другу являются матерью и дочерью, что в силу закона означает, что они являются **членами одной семьи** (выделено мною – Р.Т.), независимо от ведения ими общего хозяйства» [9].

В то же время положения раздела V «Алиментные обязательства членов семьи» СК РФ позволяют отнести к членам семьи братьев, сестер, дедушек, бабушек, внуков, фактических воспитателей, пасынков и падчериц.

Круг членов семьи неоднозначен в нормативных и ненормативных актах, которые используют понятие «член семьи» для достижения определенных целей.

Жилищный кодекс Российской Федерации (ч. 1 ст. 31) определяет перечень членов семьи собственника жилого помещения. Судебное толкование данной нормы, изложенное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», устанавливает, что супругами считаются только лица, чей брак зарегистрирован в соответствии со ст. 10 СК РФ (п. 11). Таким образом, для целей жилищного законодательства и определения состава семьи во главу угла ставится собственник жилого помещения, а семья включает в себя законного супруга, детей и родителей.

Иные лица (другие родственники независимо от степени родства, нетрудоспособные иждивенцы как самого собственника, так и членов

его семьи, иные граждане в исключительных случаях) могут быть признаны членами семьи собственника только в том случае, если они им вселены в качестве таковых.

Уголовно-процессуальный закон не дает отсылки к семейному законодательству в отношении понятия «член семьи», а вводит собственные дефиниции. В ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержится три категории физических лиц, которые можно рассматривать через призму понятия «член семьи»:

- близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки);

- близкие лица (иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений);

- родственники (все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 (в ред. от 16.05.2017 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указано, что по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, пострадавшего от преступления, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников (п. 5).

Таким образом, УПК РФ формирует самостоятельный подход в определении состава семьи в ее частноправовом понимании. В праве складывается парадоксальная ситуация: в рамках частного права сожитель юридически не имеет никаких прав, ни личных, ни имущественных, а через институт признания потерпевшим сможет воспользоваться нормами гражданского права в части возмещения материального и морального вреда. Так, в апелляционном определении были признаны обоснованными выводы суда первой инстанции о признании потерпевшей Я. и необходимости взыскания в ее пользу компенсации морального вреда на основании ее показаний о совместном проживании, обоюдном желании зарегистрировать брак в дальнейшем, сложившихся близких отношениях, а также показаний свидетелей об их совместном проживании и нахождении в фактических брачных отношениях, справки участкового уполномоченного [1]. Таким образом, для признания юридически важных «близких отношений» (аналог фактических брачных отношений) в рамках уголовно-

процессуального права достаточно таких доказательств, как показания свидетелей.

В науке уголовно-процессуального права высказывается мнение, что можно «устанавливать состояние свойства, а также устойчиво сложившиеся между умершим и его близким лицом личные отношения как посредством истребования документации (сведений о регистрации по одному и тому же месту жительства (пребывания), о совместном проживании умершего и близкого лица, информации загса о наличии общих детей и др.), так и путем производства допросов свидетелей – соседей, коллег по работе, общих друзей и знакомых», что позволит установить, в том числе, и отсутствие у умершего родных и близких лиц [4].

Противоречие сложившейся ситуации заключается и в том, что статус потерпевшего по уголовным делам о преступлениях, следствием которых явилась смерть лица, пострадавшего от преступления, дает любому «близкому лицу» права на возмещение материального вреда и компенсацию морального, но не наделяет его наследственными правами. Таким образом, государство, основываясь на нравственно-моральных принципах (личное доверие, забота, любовь, взаимопомощь и т. д.), фактически признает потерпевшего членом семьи умершего лица, но без предоставления ему прав, предусмотренных частным, главным образом гражданским и семейным, законодательством.

Неопределенность понятия «член семьи» создает определенные препятствия для реализации прав в социальной сфере, направленной на поддержку семей с детьми. Так, Федеральный закон от 28.12.2017 г. № 418-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 05.05.2020 г.) «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» ставит возможность получения ежемесячных выплат на детей в зависимости от совокупного дохода семьи, который не должен превышать 2-кратную величину прожиточного минимума трудоспособного населения, установленную в субъекте Российской Федерации (п. 2 ст. 1). При расчете среднедушевого дохода семьи для назначения ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка учитываются доходы всей семьи. В состав семьи включаются родитель (в том числе усыновитель), опекун ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого у гражданина возникло право на получение ежемесячной выплаты, супруг (супруга) такого гражданина, несовершеннолетние дети. При этом вышеназванный закон не содержит в качестве условия назначения ежемесячной выплаты факта совместного проживания родителей ребенка. Таким образом, в случае если члены семьи не проживают совместно, их доходы учитываются при назначении ежемесячной выплаты.

Действительно, если исходить из того факта, что в случае расторжения брака с матерью ребенка и прекращения совместного проживания отец не перестает быть членом семьи ребенка, то нормы данного закона следует признать справедливыми. Но в этом случае ставится под сомнение такой обязательный признак семьи, как общность, предполагающий, в том числе, совместное проживание. Теоретический посыл определения понятия «член семьи» в целях его легитимации, соотношение его со статусом родителя и анализируемая норма опережают обоснование вывода о том, что родитель, поведение которого явно свидетельствует о желании прекратить семейные отношения со своим ребенком, не является членом его семьи, но сохраняет свои родительские права и обязанности.

Судебная практика неоднородна в отношении разрешения данного вопроса. Так Свердловским районным судом г. Костромы было отказано в удовлетворении требований М. к ОГКУ «ЦСВ» о предоставлении меры социальной поддержки в виде ежемесячной выплаты в связи с рождением первого.

В обоснование заявленных требований М. указала, что она мать малолетнего М., с отцом которого она не проживает, совместное хозяйство не ведет, брак расторгнут. На основании п. 2 ст. 1 Федерального закона № 418 ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», она обратилась к ответчику о назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением первого ребенка. От ответчика пришел ответ об отказе в назначении мер социальной поддержки, на основании того, что к пакету документов не приложен паспорт и справка о доходах отца ребенка. Истец указала, что отец ребенка не является членом ее семьи, ввиду чего требовать от нее справку о доходах отца ребенка незаконно. Самостоятельно получить такую справку не имеет возможности, а доход семьи истца от М. как отца ребенка заключается в выплачиваемых им алиментах. В мотивировочной части судебного решения, со ссылками на нормы ч. 2, 6 ст. 1, ч. 4 ст. 2, ст. 4 Федерального закона от 28.12.2017 г. № 418 «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», Приказа Минтруда России от 29.12.2017 г. № 889н, а также учитывая разъяснения, содержащиеся в письме Минтруда России от 07.03.2018 г. № 12-1/10/П-1584, указал, что «в случае расторжения брака с матерью ребенка и прекращения совместного проживания отец не перестает быть членом семьи ребенка» (подчеркнуто мною – *Р.Т.*) [2].

В другом деле по иску о признании незаконным отказа в предоставлении ежемесячной выплаты при рождении первого ребенка, возложении обязанности принять заявление и произвести перерасчет причитающихся сумм суд, оценивая нормы вышеназванного закона и Письмо Минтруда России от 7 марта 2018 г. № 12-1/10/П-1584, указал,

что «данном подзаконным актом разъяснено, что Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 418 ФЗ не содержит в качестве условия назначения ежемесячной выплаты факта совместного проживания родителей ребенка, в связи с чем, даже в случае, если члены семьи не проживают совместно, их доходы учитываются при назначении ежемесячной выплаты. Вместе с тем семейные отношения

характеризуются не только фактом совместного проживания лиц, но и ведением ими общего хозяйства, наличием совместного бюджета и участием дохода каждого члена семьи в несении расходов на нужды семьи в целом. В судебном заседании установлено, что К. (отец ребенка – Р.Т.) не является членом семьи Ф. (мать ребенка – Р.Т.) ... Таким образом, с учетом того обстоятельства, что К. не является членом семьи Ф., не участвует в материальном обеспечении семьи своими доходами, исчисление среднедушевого дохода каждого члена семьи с учетом доходов К. не будет отвечать принципу справедливости и не будет способствовать достижению целей ФЗ “О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей”, которыми являются поддержка материнства, повышение демографического роста. Поскольку К. исполняет свои родительские обязанности путем выплаты алиментов, то именно сумма алиментов, а не весь заработок К. подлежит учету при исчислении среднедушевого дохода семьи» [3] (подчеркнуто мною – Р.Т.).

Представляется, что подобные противоречия, возникающие на практике, влекущие за собой отказ в получении законных выплат, могут быть устранены легализацией понятия «член семьи».

Иное специальное законодательство к членам семьи относит разных лиц. Так, законодательство о военнослужащих, помимо традиционных лиц (супруг, дети, родители, совместно проживающие с военнослужащим), к таковым относит также других родственников, нетрудоспособных иждивенцев и иных граждан, при условии, что вселение в жилое помещение этих граждан было осуществлено в качестве члена семьи; в отдельных случаях выделяется признак – ведение общего хозяйства. В качестве члена семьи военнослужащего в судебном порядке может быть признан достаточно широкий круг лиц: бабушки и дедушки, братья и сестры, тети и дяди, племянники и племянницы, нетрудоспособные иждивенцы как самого военнослужащего, так и членов его семьи, а также сожители. Дополнительно, в случае смерти военнослужащего, уточнено, что к членам семьи следует относить вдову (вдовца), при условии, что они не вступили в повторный брак, конкретизирован возраст совершеннолетних детей (ставшие инвалидами до достижения ими

возраста 18 лет; до 23 лет, обучающихся в образовательных учреждениях на очной форме обучения).

В Указе Президента РФ от 07.09.2010 г. № 1099 (в ред. от 31.12.2019 г.) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» указано, что государственные награды и документы к ним умерших награжденных лиц и лиц, награжденных посмертно, передаются (вручаются) для хранения супруге (супругу), отцу, матери, сыну, дочери, брату, сестре, бабушке, бабушке или одному из внуков награжденного лица (далее – члены семьи и иные близкие родственники (подчеркнуто мною – *P.T.*)) (п. 47). В Кодексе судейской этики, утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г. (в редакции от 08.12.2016 г.) к членам семьи судьи относится супруг, супруга, родители, дети, любой другой близкий родственник, проживающий совместно с судьей (ст. 3).

Представляется, что семья в правовой действительности – объективизированное понятие. Она не является субъектом права и не может существовать в таком качестве. Семью образуют ее члены, объединенные общностью и единой волей. Состав семьи динамичен, в силу чего выделение субъекта «образующего семью» (глава семьи), юридически бессмысленно. В основе правового регулирования семейных отношений должно лежать законодательное определение «член семьи» как социального и правового феномена. Представляется, что под членом семьи следует понимать лицо, которое в силу юридических оснований (брак, рождение, усыновление и др.) и/или фактических обстоятельств признается таковым законодательством, или им является на основании решения суда. Данную дефиницию следует закрепить в СК РФ, дополнив ею абз. 2 п. 1 ст. 1.

Список литературы

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.02.2019 № 89-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Свердловского районного суда Костромской области от 27 сентября 2019 г. по делу № 2-3545/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>, свободный (дата обращения: 18.06.2020).
3. Решение Губкинского районного суда (Ямало-Ненецкий автономный округ) от 11 ноября 2019 г. по делу № 2-485/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>, свободный (дата обращения: 18.06.2020).
4. Решение Люберецкий городской суд (Московская область) от 7 мая 2019 г. по делу № 2-3238/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>, свободный (дата обращения: 21.07.2020).
5. Бакирова Е.Ю. Понятие «член семьи» с позиции семейного и жилищного законодательства России // в сб. Междун. научно-практической конференции «Семейное право на рубеже XX-XXI веков: к 20-летию

Конвенции ООН о правах ребенка» / отв. ред. О.Н. Низамиева.М., Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Гражданское право: в 2 т., полутом 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2002. Т. 2. Полутом 1. 785 с.

7. Данилов Е. П. Юридическая консультация. Семья. Ответы на самые распространенные вопросы. 2-е. изд. М.: КноРус, 2019. 183 с.

8. Мананкова Р.П. Правовые проблемы членства в семье / под ред. Б.Л. Хаскельберг. Томск, 1985. 141 с.

9. Патрушева А.А. Процессуальный порядок привлечения родственников и близких лиц умершего потерпевшего к участию в досудебном производстве по уголовным делам // Уголовное право. 2019. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ТЕЛЕГИН Руслан Евгеньевич – аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, Курск, ул. 50 лет октября, д. 94); e-mail: gpkursk@yandex.ru

LEGALISATION OF THE CONCEPT OF "FAMILY MEMBER": CROSS-INDUSTRY APPROACH

R.E. Telegin

Southwest State University, Kursk

Effective mechanisms for resolving family conflicts that can potentially happen within each family promote the creation of optimal conditions for the implementation of state family policy. The object of the study is the relationship connected with the definition of the concept of "family member". The purpose of the article is to substantiate and formulate the definition of "family member". The article uses the dialectical-materialistic method, analysis, system approach, dogmatic-legal, and legal modeling. The author proposes the approach to understanding the definition of "family member" that is based on the provisions of branch legislation and judicial practice. The author concludes that it is necessary to legalize the concept of "family member" as a social and legal phenomenon.

Keywords: family, family member, cross-industry approach, effectiveness of legal regulation, relatives.

About the author:

TELEGIN Ruslan – post-graduate student of the Department of civil law of the Southwest State University (Russia, Kursk, street 50 years of October, bld. 94); e-mail: gpkursk@yandex.ru

Телегин Р.Е. Легализация понятия «член семьи»: межотраслевой подход // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 116 – 123.

УДК 351.778.56

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОПРОСАХ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

С.В. Хохлов

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
г. Москва

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.124

Статья направлена на раскрытие и характеристику основных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере управления многоквартирными домами. Законодательство Российской Федерации наделяет региональные органы власти различными функциями, такими как лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами. К полномочиям региональных органов власти отнесена деятельность по установлению тарифов на коммунальные услуги. Региональные органы государственного жилищного надзора правомочны привлекать к административной ответственности участников деятельности по управлению многоквартирными домами, допустивших нарушение законодательства. Органы местного самоуправления отбирают управляющую организацию в определенных законом случаях, организуют избрание совета многоквартирного дома, если он не избран собственниками. Эффективность управления многоквартирным домом, его содержание во многом зависит от того, каким образом, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления реализуют на практике предоставленные им полномочия.

Ключевые слова: *многоквартирный дом, управление многоквартирным домом, лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами, управляющая организация, общее собрание собственников, договор управления многоквартирным домом, органы местного самоуправления, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, совет многоквартирного дома.*

В связи с тем, что в Российской Федерации довольно значительная часть населения проживает в многоквартирных домах, отношения по управлению многоквартирными домами и их содержанию имеют высокую социальную значимость.

Управление многоквартирным домом (далее также - МКД) представляет собой деятельность, обеспечивающую:

- благоприятные и безопасные условия проживания граждан;

- предоставление коммунальных услуг жителям (либо постоянную готовность инженерных систем к их предоставлению);

- надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме и решение вопросов пользования этим имуществом.

Данное понятие раскрывается в части 1 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) [2].

От эффективного управления многоквартирным домом зависит качество его содержания, своевременность устранения возникающих проблем, и в конечном итоге, - удовлетворенность проживающих в таком доме лиц оказываемыми услугами.

Законодательством (ч. 2 ст. 161 ЖК РФ) предусмотрены три способа управления многоквартирным домом (далее – МКД), такие как:

1) непосредственное управление (если квартир не более 30);

2) управление товариществом собственников жилья (ТСЖ), жилищным или иным специализированным потребительским кооперативом;

3) управление управляющей организацией.

Органы госвласти субъектов РФ и органы местного самоуправления (далее – МСУ) наделены целым рядом полномочий, оказывающих влияние на управление МКД.

Реализация таких полномочий заключается, к примеру, в возможности отбора той или иной управляющей организации в определенных законом случаях, в установлении тарифов на коммунальные услуги, в реализации полномочий собственника жилых помещений, предоставляемых по договору социального найма и в других вопросах. Кроме того, органы госвласти субъектов РФ осуществляют жилищный надзор, а органы местного самоуправления жилищный контроль. Настоящее исследование нацелено на то, чтобы раскрыть и охарактеризовать основные функции органов государственной власти субъектов РФ и органов МСУ применительно к деятельности по управлению МКД, осуществляемой способами, предусмотренными законом.

В силу требований ст. 192 ЖК РФ деятельность по управлению МКД, осуществляемая управляющими организациями на основании договора, подлежит лицензированию.

Лицензии выдаются органами государственного жилищного надзора, чему предшествует решение региональной лицензионной комиссии.

Госжилинспекции в регионах выдают лицензии управляющим организациям МКД. Данные органы ведут также реестр выданных лицензий.

Отметим, что если общим собранием собственников выбран иной способ управления МКД, отличный от управляющей организации,

например, ТСЖ или управление жилищным кооперативом, то лицензия в таком случае не требуется. Это следует из содержания вышеприведенной ст. 192 ЖК РФ, а также из ч. 1, 2 ст. 162 ЖК РФ. Исходя из данных норм, стороной договора управления МКД должна быть управляющая организация, а ТСЖ либо жилищный кооператив таковыми не являются.

Следует затронуть и такой немаловажный аспект касательно управления МКД как установление тарифов на коммунальные услуги, что также отнесено на уровень полномочий органов госвласти субъектов РФ. Как уже упоминалось выше, предоставление коммунальных услуг жителям МКД либо обеспечение постоянной готовности инженерных систем к их предоставлению является одним из элементов управления МКД.

Под коммунальными услугами понимается подача потребителям коммунального ресурса, имеющее целью обеспечение благоприятных и безопасных условий использования жилых, нежилых помещений, общего имущества в многоквартирном доме.

В свою очередь к коммунальным ресурсам отнесены холодная вода, горячая вода, электрическая энергия, газ, тепловая энергия и иные.

Понятие коммунальных услуг и коммунального ресурса приведено в Правилах предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 06.05.2011 г. № 354 [4].

К коммунальным услугам также относится услуга по обращению с твердыми коммунальными отходами (ТКО), то есть услуга по вывозу мусора. В процедуре выбора организации, ответственной за обращение с ТКО, органы госвласти субъектов РФ также принимают участие. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 05.09.2016 г. № 881 [6] уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации проводят конкурсный отбор региональных операторов по обращению с ТКО. По результатам проведенного конкурса уполномоченный орган заключает соглашение с победителем. В субъектах РФ на проведение соответствующего конкурсного отбора могут быть уполномочены органы в сфере ЖКХ, либо органы в сфере экологического надзора и природопользования.

В соответствии с ч. 2 ст. 157 ЖК РФ размер платы за коммунальные услуги рассчитывается по тарифам, установленным органами госвласти субъектов РФ в порядке, установленном федеральным законом. Предусмотрена возможность наделения органов МСУ отдельными государственными полномочиями в области установления тарифов.

В каждом субъекте РФ определяются исполнительные органы государственной власти, осуществляющие на территории региона

государственное регулирование цен (тарифов), в том числе в сфере теплоснабжения, электроснабжения, водоснабжения и водоотведения, обращения с твердыми коммунальными отходами.

Органы госвласти субъектов РФ правомочны привлекать к административной ответственности за нарушения норм законодательства в сфере управления МКД.

Так, органы госжилнадзора составляют протоколы и рассматривают дела об административных правонарушениях по некоторым статьям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] в сфере управления многоквартирными домами (например, по ч. 2 ст. 7.23.2. - за нарушение требований законодательства о передаче технической документации на МКД и иных связанных с управлением таким МКД документов, по ч. 2, 3 ст. 14.1.3. - за осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами без лицензии).

Другой немаловажной функцией как органов госвласти субъектов РФ, так и органов МСУ, о которой следует упомянуть, является предоставление информации для государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства.

В 2014 году вступил в силу Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» [3]. ГИС предназначена для сбора, обработки, хранения, предоставления, размещения и использования информации о жилищном фонде, стоимости и перечне услуг по управлению общим имуществом в многоквартирных домах, работах по содержанию и ремонту такого имущества. В ГИС содержатся различные сведения, в том числе об обращениях по вопросам ЖКХ, о договорах по предоставлению в пользование общего имущества многоквартирного дома, о выбранном способе управления домом, о проведении общего собрания собственников (членов ТСЖ, ЖСК), о состоянии расчетов потребителей с коммунальщиками, и другое.

Все субъекты, которые выступают в качестве поставщика информации, вносят в данную систему те или иные сведения, в рамках своей компетенции. Наполнение различных разделов данной системы, осуществляется органами госжилнадзора, органами в области энергосбережения, органами МСУ и иными субъектами.

Детальное распределение информации, подлежащей размещению в ГИС ЖКХ, в зависимости от компетенции поставщиков информации, приведено в совместном приказе Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 29.02.2016 г. № 74/114/пр [7].

Сергеев Д.Л. положительно оценивает систему ГИС ЖКХ и отмечает, что отличительной особенностью законодательной базы ГИС

ЖКХ является то, что в соответствии с законом о ГИС ЖКХ с 1 января 2018 г. в случае, если в системе не размещена информация о размере платы, подлежащей внесению потребителем за жилое помещение и коммунальные услуги, либо размещена информация, которая не соответствует платежному документу, представленному потребителю на бумажном носителе, платежный документ считается не представленным в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации [9, с. 103].

Внедрение на практике системы ГИС ЖКХ представляется достаточно прогрессивной мерой.

Органы МСУ, также как и органы госвласти регионального уровня, наделены различными полномочиями применительно к управлению МКД.

Коснемся вопросов управления муниципальным жилищным фондом.

В большинстве МКД «старой» постройки по-прежнему остаются неприватизированные квартиры. Данные квартиры находятся в собственности муниципального жилищного фонда и предоставляются жильцам по договорам социального найма. Функции собственников в подобных случаях исполняют органы местного самоуправления либо непосредственно либо через созданные ими муниципальные учреждения, которые ведут учет, заключают договоры соцнайма, контролируют внесение платежей нанимателями.

Одной из ключевых функций органов МСУ, на чьем балансе находятся помещения в МКД, является участие в общих собраниях собственников.

Именно общее собрание собственников, являясь органом управления в МКД, в соответствии со ст. 44 ЖК РФ правомочно решать такие важные вопросы как: реконструкция МКД, переустройство, перепланировка помещений, выбор способа управления МКД и другие.

Достаточно важной функцией органов МСУ является отбор управляющей организации в определенных законом случаях. Часть 4 ст. 161 ЖК РФ возлагает на органы МСУ обязанность проводить открытый конкурс по отбору управляющей организации и отсылает к случаям, предусмотренным ч. 13 ст. 161 и ч. 5 ст. 200 ЖК РФ. Речь идет об объявлении конкурса органом МСУ в течение 20 дней со дня выдачи разрешения на ввод в эксплуатацию МКД – для новостроек, а также о случаях, если МКД исключен из реестра лицензий, лицензия прекращена или аннулирована.

Конкурс по отбору управляющей организации проводится в соответствии с постановлением Правительства РФ от 06.02.2006 г. № 75 [5], которое предусматривает и иные основания проведения такого конкурса, кроме закрепленных в ЖК РФ. В частности, конкурс

проводится и в том случае, если собственниками не выбран способ управления МКД, либо принятое решение о способе управления МКД не реализовано.

Андрианова Д.В., исследуя вопросы управления МКД, усматривает угрозу свободной конкуренции в процедурах по конкурсному отбору управляющих организаций, проводимых органами МСУ, и отмечает, что на региональном и местном уровне аффилированные к органам исполнительной власти или органам местного самоуправления управляющие организации фактически получают государственные или муниципальные преференции, что нарушает конкурентные права остальных участников рынка [8, с. 17].

Данным автором указывается на необходимость корректировки законодательства, в вопросах проведения конкурсов органами МСУ.

Идеи Андриановой Д.В. о необходимости совершенствования правового регулирования в части конкурсного отбора управляющих организаций органами МСУ заслуживают внимания. Указанный автор отмечает, что «Анализ арбитражной практики показал, что управляющие организации, отобранные органом местного самоуправления на основании проведенного открытого конкурса, после того как собственники помещений выбрали другую управляющую организацию или иной способ управления многоквартирным домом, стараются любыми способами оставить за собой фактическую возможность управления таким домом, прибегая к различным способам недобросовестной конкуренции» [8, с. 19].

В то же время активная позиция самих собственников помещений, своевременное проведение общих собраний собственников по выбору способа управления МКД, позволяют избегать ситуаций «навязывания» управляющих организаций, аффилированных с органами МСУ.

Чернышов В.А. также отмечает, что реализация собственниками помещений в многоквартирном доме права на выбор способа управления в нем относится к числу наиболее острых проблем в современной правоприменительной практике [10, с. 158].

Безусловно, что актуальность наличия у органов МСУ полномочий по проведению процедур отбора управляющих организаций для МКД не должна вызывать сомнений. Иначе, имеются риски того, что тот или иной дом не будет управляться никаким способом, не будет содержаться общее имущество и возможно несвоевременное оказание коммунальных услуг. Однако, вопрос заключается в «прозрачности» и «открытости» проводимых конкурсных процедур.

Характеризуя деятельность органов МСУ в рассматриваемой сфере, важно упомянуть о совете многоквартирного дома, который должен быть избран в доме с численностью квартир более четырех. Данное требование применяется к домам, в которых не создано ТСЖ либо

данный дом не управляется жилищным кооперативом или иным кооперативом. Именно подобный совет призван обеспечивать реализацию решений общего собрания собственников помещений. Однако на практике не всегда совет дома избирается своевременно. В случае, когда совет дома не избран в течение календарного года, данную процедуру организует орган местного самоуправления (ч. 2 ст. 161.1. ЖК РФ).

Таковы основные функции органов госвласти субъектов РФ и органов МСУ в вопросах управления многоквартирными домами. Вопросы о данных функциях продолжают оставаться дискуссионными. При этом, изменения законодательства по корректировке полномочий органов, влияющих на управление МКД, должны приниматься взвешенно, и основываясь на складывающейся правоприменительной практике.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СПС «Гарант».
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ // СПС «Гарант».
3. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // СПС «Гарант».
4. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // СПС «Гарант».
5. Постановление Правительства РФ от 06.02.2006 г. № 75 «О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом» // СПС «Гарант».
6. Постановление Правительства РФ от 05.09.2016 г. № 881 «О проведении уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации конкурсного отбора региональных операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами» // СПС «Гарант».
7. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 29.02.2016 г. № 74/114/пр «Об утверждении состава, сроков и периодичности размещения информации поставщиками информации в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // СПС «Гарант».
8. Андрианова Д.В. Гражданско-правовое регулирование конкуренции в сфере управления многоквартирными домами: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М.: РПА Минюста России, 2016. 22 с.

9. Сергеев Д.Л. Особенности внедрения государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства в Калининградской области как механизма повышения эффективности коммунальной сферы // Транспорт и сервис. 2018. № 6. С. 100 – 109.

10. Чернышов В.А. Проблема отбора управляющей организации органом местного самоуправления и способы ее решения // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 5. С. 158 – 161.

Об авторе:

ХОХЛОВ Сергей Викторович – кандидат философских наук, магистрант ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1), SPIN-код: 8546-8498; e-mail: skhokhlov85@mail.ru

ROLE OF BODIES OF STATE POWER OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LOCAL SELF-GOVERNMENT AUTHORITIES IN MANAGEMENT OF MULTI-FAMILY DWELLINGS

S.V. Khokhlov

Russian State Social University, Moscow

The article is intended to define and characterize the main powers of bodies of state power of the subjects of the Russian Federation and local government bodies in management of multi-family dwellings. The legislation of the Russian Federation empowers the regional authorities with various functions, such as licensing the management of multi-family dwellings. The powers of regional authorities include also the utility tariff-setting activity. The regional authorities of state housing oversight are authorized to bring the participants in the management of multi-family dwellings, who have violated the law, to administrative responsibility. The local self-government authorities select the management company in cases specified by law, organize the election of the council of multi-family dwelling, if it is not elected by the owners. The efficiency of management of multi-family dwelling and its maintenance largely depends on how the bodies of state power of the subjects of the Russian Federation and local self-government authorities put the powers granted to them in practice.

Keywords: *multi-family dwelling, management of multi-family dwelling, licensing the management of multi-family dwellings, management company, general meeting of owners, multi-family dwelling management agreement, local self-government authorities, bodies of state power of the subjects of the Russian Federation, council of multi-family dwelling.*

About the author:

КНОКХЛОВ Sergei – candidate of philosophy, undergraduate of Russian State Social University (129226, Moscow, Wilhelm Pieck Street, 4-1), SPIN-code: 8546-8498; e-mail: skhokhlov85@mail.ru

Хохлов С.В. Роль органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в вопросах управления многоквартирными домами // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 124 – 132.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии

170021, г. Тверь, 2-я Грибоедова, д. 22, ауд. 222
Тверской госуниверситет: телефон/факс: (4822) 70-06-57;
Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);
технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;
law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 4 (64), 2020

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 08.12.2020. Выход в свет 15.12.2020.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,64.

Тираж 500 экз. Заказ № 336.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в редакционно-издательском управлении

Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12, корпус Б.

Тел. РИУ: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*